

ПОСЛЕ МЕНЯ

ЛИНДА ГРИН

Annotation

Однажды, проверяя свой профиль в «Фейсбуке», Джесс Маунт обнаруживает посты близких и друзей, которые скорбят... по ней. Дата смерти – ровно через 18 месяцев. Джесс решает, что это чей-то дурацкий розыгрыш. Но проходит время, публикации продолжают появляться... Девушка видит фото своей свадьбы, а затем и фотографии собственного крошечного сынишки... Как такое возможно? Джесс шокирована: а что, если все это – предупреждение, страшный отблеск ее грядущей судьбы? Может ли она изменить будущее, и стоит ли пытаться спасти себя, если тогда ее сын, которого она уже успела полюбить, вероятно, не родится?..

Линда Грин

После меня

© Linda Green, 2017

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

* * *

Умно и убедительно. Это смелое повествование, которое трогает за душу вплоть до последнего слова.

Дороти Кумсон, автор бестселлеров, отмеченный газетой “Sunday Times”

Красиво написанный роман с очень острой интригой, который держал меня в напряжении до последней страницы. Я хотела сравнить его автора с Гиллиан Флинн или Элис Сиболд^[1], но это было бы неправильно. Эта книга – на сто процентов Линда Грин, а Линда Грин – это чертовски великолепно!

Аманда Проуз, автор бестселлеров № 1

Напряжение при чтении становится прямо-таки невыносимым – и затем следует великолепная концовка в форме резкого поворота событий. Жутко правдоподобная история, которая заставит родителей оглядываться через плечо.

Газета “Sunday Mirror”

Сильное и провокационное повествование, которое буквально проникает к вам под кожу.

Газета “Sun”

Этот роман просто великолепен. Я не могла отложить его в сторону... Я читала его, чувствуя, как у меня все время холодеет на душе.

Книжный клуб “BBC RadioLeeds”

Линда Грин – писатель-романист и завоевывавший премии журналист. Она писала статьи для газеты «Guardian», интернет-издания «Independent on Sunday» и газеты «Big Issue». Линда живет в Западном Йоркшире. Ее предыдущая книга – «Пока мои глаза были закрыты» (*While My Eyes Were Closed*) – была книгой в мягкой обложке, стала бестселлером и заняла в 2016 году пятое место по объему продаж в версии для устройств для чтения электронных

книг «Амазон киндл». Посетите странички Линды в «Твиттере» («@LindaGreenisms») и в «Фейсбуке» («Fans of Author Linda Green»).

Памяти Саманты Хант

Каждый человек рано или поздно теряет маму. Но к тому моменту, когда это происходит, мама должна быть уже старенькой. Морицинистой, сгорбившейся и немощной.

Мамы вроде бы как не должны уходить из жизни в расцвете лет, когда их женский организм все еще нормально функционирует, когда они еще не получили подбадривающих открыток по поводу их сорокалетия и когда, черт побери, они еще даже не начали пользоваться кремами от морицин.

Если жизнь заканчивается так жестоко, так преждевременно, это кажется абсолютно бессмысленным. Мир перестает вращаться. То, на чем основывалась ваша жизнь, куда-то исчезает. Пол у вас под ногами может в любой момент просесть. Это все равно как играть в одну из игр типа «мяч в лабиринте», зная, что в любую секунду ты можешь упасть в яму.

Опасности. Жизнь кишит опасностями. И если люди пытаются убедить вас в обратном, говоря, что вы чокнутые, если так думаете, то вам необходимо помнить, что чокнутыми являются как раз те, кто отрицает постоянное присутствие опасностей вокруг нас. Потому что единственное, в чем можно быть твердо уверенным в нашей жизни, это то, что все мы в тот или иной день умрем. И что этот день может наступить раньше, чем мы думаем.

Понедельник, 11 января 2016 года

Одну-две секунды я ощущаю плохой запах, исходящий у него изо рта, а потом чувствую, как он кладет ладонь на мою задницу. Странно, но почему-то у тех, кто норовит потереться об представителей противоположного пола в общественном транспорте, почти всегда какие-то проблемы с личной гигиеной.

– В чем дело? – кричу я и оборачиваюсь, чтобы оказаться к нему лицом.

Люди, толкущиеся возле турникета, тут же отступают в сторону. Пассажиры, регулярно совершающие поездки из пригорода в город и обратно, ненавидят конфликты в транспорте даже больше, чем опоздания поездов и автобусов.

Этот мужчина с дурным запахом изо рта и чрезмерно проворными руками, похоже, не ожидал подобной реакции. Он поспешно смотрит по сторонам, явно желая свалить вину на кого-нибудь другого.

– Не надо увливать, это сделали именно вы – мужчина средних лет в блестящем сером костюме. Тащитесь от того, что лапаете женщин за задницу, да?

Он, переступая с ноги на ногу, смотрит в пол, а затем устремляется к турникету.

– Ну да, вы торопитесь на работу. Готова поспорить, что женщины в вашем офисе ждут вас не дождутся. В следующий раз попридержите свои грязные лапы, хорошо?

Я оглядываюсь и вижу, что Сейди смотрит на меня, подняв бровь.

– Что? – говорю я. – Могу тебе сказать, что он еще легко отделался. Тут вообще полно их таких – всяких козлов.

Путь к турникету теперь свободен. Я прохожу через турникет и жду Сейди на другой стороне.

Передо мной останавливается молодой парень с темными волосами.

– Классно вы его обломали, – говорит он с улыбкой. – Хотите, я догоню и уделаю его ради вас?

Парень этот одет в куртку сливового цвета поверх белой футболки – как будто он по ошибке принял понедельник за «вольную пятницу»^[2].

– Чего я хочу – так это чтобы все представители мужского пола пошли к черту и перестали меня донимать.

Улыбка исчезает с его губ.

– Понял, – говорит он и уходит прочь.

– Зачем ты так себя повела? – спрашивает Сейди, таращась на меня. – Он всего лишь пытался быть любезным.

– Ну, иногда это не сразу и поймешь.

Сейди качает головой:

– Вот и я тебя не понимаю. Сегодня что, объявлен общенациональный день по откусыванию кому-нибудь головы или что-то в этом роде?

– Предменструальный синдром и голод – это всегда плохое сочетание. Пошли, мне необходимо купить еды.

Завтрак (я ненавижу слово «бранч»^[3], а потому отказываюсь называть так этот прием пищи, даже если он начинается после десяти тридцати) применительно ко мне состоит из огромного маффина с голубикой (который, я надеюсь, зачтется как первый из пяти моих

ежедневных приемов пищи) и баночки напитка «Танго» (который, возможно, зачтется как второй). Мама когда-то говорила мне, что настанет день, когда я уже не смогу есть подобное дерьмо так, чтобы это не отражалось на моей внешности. Я восприняла эти слова как «зеленый свет» для поглощения как можно больше такой пищи, пока я все еще могу делать это без каких-либо негативных последствий.

Стоя в очереди к кассе, я слышу приближающиеся шаги. Сейди слегка толкает меня локтем. Я поднимаю взгляд. Парень, который намеревался «уделать» мужчину, тронувшего меня за задницу, стоит неподалеку, держа в руке букет цветов. Причем оформлен этот букет очень красиво. Такие букеты, по-моему, называют «связанными вручную», хотя я никогда не видела, чтобы букеты связывали с помощью какого-то механизма.

– Извиняюсь за свои предыдущие слова, – говорит он. – Это от имени мужского пола. Чтобы продемонстрировать, что не все мы придурки.

Разговоры в очереди стихают. Я чувствую, что мои щеки становятся такими же красными, как розы в букете.

– Спасибо, – говорю я, беря у парня розы. – Но вообще-то не было необходимости это делать.

– Я знаю, но мне захотелось так поступить. А еще я хочу пригласить вас на ужин, но не уверен, что это не вызовет у вас бурную негативную реакцию, поэтому я положил в цветы свою визитную карточку. Позвоните мне, если вам захочется принять мое предложение. И спасибо за то, что украсили мне сегодняшнее утро.

Он поворачивается и идет прочь одной из тех в высшей степени самоуверенных походок, которые граничат с явно пижонским поведением.

– Я тебя ненавижу, – говорит Сейди. – Не могу понять, почему в качестве лучшей подруги я выбрала того, кому незнакомцы дарят цветы.

– Ты меня не выбирала, – отвечаю я. – Это я тебя выбрала, помнишь? Главным образом потому, что у тебя был самый лучший пенал.

– Пусть так. Но я все равно тебя ненавижу. Тебе даже не приходится прилагать никаких усилий. Ты ходишь в пуховике, лосинах и ботинках «ДМ»^[4], но тем не менее шикарный незнакомец приглашает тебя на свидание.

– Я, возможно, ему не позвоню, – говорю я, понижая голос, потому что замечаю, как люди в очереди прислушиваются к нашему разговору.

– Тогда ты даже большая недотепа, чем я думала.

– Ну, во всяком случае я не стану звонить ему прямо сейчас.

– Хочешь немного поломаться, да?

– Нет. Я просто умираю от голода и не буду делать вообще ничего до тех пор, пока не запишаю себе в рот маффин с голубикой.

Сейди улыбается мне и затем бросает взгляд на цветы. В нем кроме роз есть лилии и другие цветы, названий которых я не знаю.

– Они, наверное, стоили ему немалых денег, – говорит она.

– Значит, жаль, что он не знал, что меня вполне устроил бы и маффин с голубикой, – отвечаю я.

Сейди смеется. Я невольно сжимаю букет чуточку сильнее.

Центр города Лидс – такой, каким он обычно бывает утром в понедельник: серый, пасмурный и слегка загаженный после уик-энда. Когда я останавливаюсь у перекрестка, кто-то сует мне в руку экземпляр бесплатного журнала. Я беру его, но не потому, что мне хочется

его прочесть, а потому, что мне жаль человека, которому приходится вставать на рассвете и идти совать журналы в руки раздражительных пассажиров, едущих из пригорода на работу в центр города. Переходя улицу, я сворачиваю журнал в трубочку и засовываю его в боковой карман рюкзака. Женщина, идущая передо мной, несет свою большую сумку на согнутой правой руке – чтобы было легче. Я едва удерживаюсь от соблазна сказать ей, что она похожа на куклу Барби, у которой какой-то маленький мальчик вывернул руку. Я уверена, что если женский пол будет продолжать в том же духе, то рано или поздно младенцы-девочки начнут рождаться с уже изогнутой правой рукой и акушерки смогут сразу вешать на них большие сумки.

Сейди, посмотрев туда, куда смотрю я, с понимающим видом улыбается мне. Мы обе – убежденные сторонницы того, что вещи нужно носить не в сумках, а в рюкзаках.

– Интересно, на работе покажут какой-нибудь фильм в память о Боуи или нет, – говорит Сейди. – Например, «Лабиринт» и «Абсолютные новички»^[5].

– Да, интересно, – говорю я. – Готова поспорить, что очень многие люди пришли бы, если бы стали показывать какой-то из этих фильмов.

Я решаю не говорить Сейди, которая почти все время, пока мы ехали на поезде, разглагольствовала о Дэвиде Боуи, что мне это все уже надоело. Каждый раз, когда я захожу в «Фейсбук», в нем полно публикаций, в которых люди отдают свою дань уважения ушедшему из жизни Боуи так, будто они были с ним лично знакомы и понесли в результате его смерти личную утрату. При этом они вряд ли задумываются о том, какие чувства испытывает тот, кто в самом деле потерял любимого человека. Может, даже самого важного человека в их жизни.

Мы сворачиваем с тротуара в сравнительную теплоту торгового центра. Кому-то пришла в голову блестящая мысль не делать у этого здания боковых стен, а потому зимой людям, сидящим за наружными столиками ресторанов, приходится оставаться одетыми в пальто и шарфы, хотя формально эти люди находятся *внутри* торгового центра.

Я иду вслед за Сейди к эскалатору и еду на нем вверх. Кинотеатр находится на этаже, предназначенном для «праздного времяпрепровождения», – там, где расположены и все рестораны. Устроен этот кинотеатр довольно нетрадиционно: в нем стоят диваны, и зрители могут заказать себе пиццу и другую еду, которую им принесут туда, где они сидят и смотрят фильм. Я именно этим обосновываю то, что работаю здесь (а еще тем, что мне не приходится приходить на работу раньше одиннадцати утра, даже когда я на первой смене). Я никогда не смогла бы работать в обычном кинотеатре. Это было бы все равно что позволить дементорам^[6] высосать твою душу.

Нина, которая в кои-то веки встречает всех входящих за стойкой дежурного администратора, смотрит на мои цветы и поднимает бровь:

- Я надеюсь, ты не замышляешь устраивать здесь место поклонения Боуи?
- Эти цветы не имеют к нему никакого отношения. Мне их вообще-то подарили.
- В связи с чем?
- В связи с тем, что я сказала одному мужчине, что он козел.
- Очень смешно.
- Нет, это правда, – говорю я. – Только козлом я назвала совсем не того мужчину, который мне их подарил.

Нина качает головой и вздыхает:

- Ага, значит, ты купила сама себе цветы по дороге на работу, чтобы со стороны

казалось, что их тебе кто-то подарил.

– Вовсе нет, – вмешивается в разговор Сейди еще до того, как я успеваю что-то возразить Нине. – Их подарил ей умопомрачительно шикарный парень, который подошел к ней на вокзале и пригласил ее на свидание. Она просто слишком скромна, чтобы в этом признаться.

– В самом деле? Может, ты уже знаешь и номер его телефона? – спрашивает Нина.

Я выуживаю из букета визитную карточку и сообщаю ей указанный в ней номер.

– Позвони ему, если хочешь, – говорю я. – А я, наверное, не стану утруждать себя этим.

Нина закатывает глаза и снова утыкается в экран, продолжая заниматься тем, чем она занималась до моего появления. Сейди кивает мне, и мы идем в сторону комнаты для персонала. Когда мы заходим в эту комнату, я вдруг осознаю, что все еще держу визитную карточку в руке.

– Как его зовут? – спрашивает Сейди, заметив, что я смотрю на визитку.

– Ли Гриффитс. Судя по визитке, он – заместитель директора в какой-то рекламной фирме в Лидсе.

– Ух ты! Важная персона. Позвони ему.

– Не-а. Это, возможно, всего лишь надувательство.

– Ну, если тебе он не нужен, то я вообще-то отнюдь не гнушаюсь товарами, уже побывавшими в употреблении.

Я улыбаюсь ей в ответ.

Мы идем обратно в вестибюль и видим, что Тарик и Адриан раскладывают на полу новую красную ковровую дорожку, ведущую в зал № 1.

– А-а, вот и вы, леди, – говорит Адриан. – Как раз вовремя к пробному хождению по дорожке.

– Сначала я! – кричит Сейди.

Я, посмеиваясь, смотрю, как она ходит плавной походкой туда-сюда по красной ковровой дорожке, останавливаясь с таким видом, будто позирует фотографирующим ее воображаемым папарацци.

– Давай, давай, – говорю я, ложась на дорожку перед ней. – Это премьера какого фильма?

– Фильма про суфражистку! – кричит она, а затем ложится на дорожку рядом со мной.

– Что там за крики? – спрашивает Нина, высовывая голову из-за угла.

– Премьера фильма! – говорю я. – Хочешь пройтись по красной дорожке?

– Нет. Я хочу, чтобы вы обе перестали относиться к этому месту, как к детскому саду, и принялись за работу.

Нина возвращается за стойку дежурного администратора. Сейди, застонав, говорит:

– Готова поспорить, что Кэри Маллиган^[7] никогда не приходилось выносить вот такое.

Дождавшись обеденного перерыва, я, когда остаюсь одна в комнате для персонала, пишу сообщение Ли. Мне хочется, чтобы никто этого не видел – на тот случай, если это и в самом деле окажется надувательством. Я решаю сразу перейти к делу.

Привет. Еще раз спасибо за цветы. Сообщи мне дату и время встречи. Я заканчиваю работу в 7 часов вечера до среды включительно, а затем работаю целую неделю допоздна. Джесс.

Я секунду-другую сомневаюсь, раздумывая, не выставлю ли себя беспросветной дурой, но затем все же решаю отослать сообщение. Делаю глубокий вдох-выдох и нажимаю

«Отправить». Лишь после того, как я отправила это сообщение, я осознаю, как сильно переживаю, ответит он на него или нет. К счастью, мне приходится ждать меньше тридцати секунд, прежде чем мой телефон издает звуковой сигнал о получении текстового сообщения. Этот парень явно не из тех, кто боится показать, что он чего-то очень хочет.

Привет, Джесс. Прекрасно. Может, в среду в 19:30 в «Ботанике»?

«Ботаник» – это супермодный бар, расположенный возле торгового центра. Я в этом баре никогда не была – главным образом потому, что сама я отнюдь не супермодная и не знакома ни с одним супермодным человеком.

Я пишу в ответ, что встречу с ним там, – так, как будто я в этом месте частенько бывала. Он отвечает: Прекрасно, уже жду с нетерпением.

Я все еще сижу в комнате для персонала с радостным и самодовольным выражением лица, когда туда заходит Сейди.

– Ты ему позвонила, да? – спрашивает она.

– Нет, написала.

– И пойдешь на встречу с ним.

– Возможно.

– Если вы решите пожениться, я разыщу того мужчину, который лапал тебя за задницу, и приглашу его на вашу свадьбу.

– Я не думаю, что существует вероятность того, что мы поженимся.

– Почему?

– Ну, мы с ним из разных категорий людей.

– Чепуха. Ты ничуть не хуже его.

– Я все еще подозреваю, что он просто дурачится. Как бы там ни было, в среду ты поедешь домой одна. А я, представь себе, буду находиться в окружении пижонов и заказывать себе коктейли, названия которых раньше никогда даже не слышала.

Сейди фыркает:

– Надеюсь, платить будет он.

– Я тоже на это надеюсь. Иначе придется просить милостыню в подземном переходе.

Когда я уже иду домой со станции Митолройд, мне вдруг приходит в голову, что папа наверняка спросит, откуда у меня цветы. На секунду возникает желание бросить их, не глядя, через голову назад – как это делают на свадьбе невесты, – но, быстро оглянувшись, я вижу, что в этом случае они скорее всего попадут в идущего позади меня длинноволосого толстого парня и ему это вряд ли понравится. Я решаю рассказать папе урезанную версию того, что сегодня произошло. Думаю, он сможет спокойно отнестись к тому, что какой-то парень напрашивается на знакомство со мной, но я уверена, что он разнервничается, если я расскажу ему о мужчине, щупавшем мою задницу.

Я иду мимо рядов примыкающих друг к другу маленьких веранд и веревок для сушки белья, протянутых через задние дворики и кажущихся символами какой-то уходящей в прошлое эпохи. Я готова поспорить, что люди, живущие на юге страны и смотрящие в выпусках новостей репортажи о наводнениях на Рождество, не смогли бы даже поверить, что на свете существует такое местечко, как Митолройд. Я не перестаю удивляться, насколько это маленький и замшелый населенный пункт. Впрочем, некоторые люди прожили в нем всю свою жизнь, никогда не побывав при этом даже в Лидсе (не говоря уже о Лондоне). Думаю, именно поэтому я после окончания колледжа устроилась на первую подвернувшуюся мне в

Лидсе работу. Это, конечно, была совсем не та работа, о которой я мечтала, но она, по крайней мере, давала мне шанс выбраться из Митолройда.

Наша передняя входная дверь открывается прямо на улицу, а задняя – ведет во дворик за нашим домом. Если у меня когда-нибудь появится возможность снять квартиру в Лидсе (что весьма сомнительно), я уже решила, что сниму ее на высоком этаже, чтобы люди, проходящие мимо, не могли заглядывать внутрь, когда я открываю входную дверь.

Я, как обычно, захожу через заднюю дверь. Папа на кухне: вечер понедельника, в отличие от всех других дней недели, у него свободен, потому что итальянский ресторан, в котором он работает, по понедельникам закрыт.

– Вкусно пахнет, – говорю я.

Папа отрывает взгляд от сковородки, на которой он что-то переворачивает, и моментально перемещает его с моего лица на букет.

– Красивые цветы.

– Да.

Я кладу букет на кухонный стол, прекрасно понимая, что таким простым ответом мне не отделаться.

– Откуда они у тебя? – Папа помешивает деревянной ложкой овощи в кастрюле на дальней конфорке плиты, пытаюсь делать вид, что ему не очень-то интересно.

– Мне подарил их парень, которого я встретила сегодня утром на железнодорожном вокзале.

Папа медленно кивает и кладет деревянную ложку на доску для резки мяса.

– Это очень мило с его стороны.

Судя по тону его голоса, папа вообще-то уже думает, что этот парень – серийный убийца. Я решаю разъяснить все одним махом.

– Да. И я пойду ужинать с ним в среду.

– В самом деле? – Папа снова берет ложку и начинает мешать ею с очевидно чрезмерной интенсивностью. – И сколько ему лет, этому парню?

– Я думаю, ему за семьдесят. А то и все восемьдесят.

Папа поворачивается ко мне. Я улыбаюсь ему заранее подготовленной улыбкой.

– Очень смешно, – говорит он.

– А чего ты ожидал? На вид ему под тридцать, но точно сказать не могу. Если хочешь, я возьму с собой в среду бланк анкеты.

– Значит, ты его раньше никогда не встречала?

– Не-а.

– И он просто подошел к тебе сегодня утром, подарил цветы и предложил с ним встретиться?

– Ага. Примерно так все и было.

– А тебе это не кажется немножечко странным?

– Вообще-то нет.

Мне подумалось, что рассказывать ему про того, кто трогал меня за задницу, мне, наверное, было бы легче.

– А мне вот это кажется немного странным.

– Послушай, ты должен позволять мне жить нормальной жизнью.

– А разве это нормально? Дарить цветы незнакомому человеку!.. Может, он все время так делает. Заманивает тем самым к себе симпатичных девушек.

– Папа, я тебя не понимаю. Ведь ты же сам все время говорил, что мне необходимо побольше общаться с другими людьми.

– Да, но я не имел в виду незнакомцев.

– А он уже больше для меня не незнакомец, разве не так? Он подарил мне цветы и пригласил меня на свидание. Я сказала «да». Я думала, что ты будешь этому рад.

Это вообще-то ложь. Я знала, что он будет вести себя именно так, как он себя сейчас ведет, но я точно знаю, как его можно победить в споре. Он опускает взгляд вниз, на свои ноги.

– Я рад за тебя. Просто после того случая я, видишь ли, не хочу, чтобы кто-то причинил тебе боль.

– Каллум был психически неадекватным ублюдком.

– Джесс.

– Да-да, именно таким он и был! И я с тех пор уже сильно повзрослела, а потому, разумеется, не собираюсь совершать ту же ошибку еще раз.

– Но откуда тебе известно, что этот парень не окажется таким же?

– Это мне еще неизвестно, но он подарил мне цветы, что является очень даже хорошим началом, и, если он мне не понравится в среду, я его больше никогда не увижу. Все просто.

Папа кивает. Я знаю, что он изо всех сил старается выступать в роли обоих родителей в одном лице. Но мне очень не хватает рядом с ним мамы, которая сказала бы ему, что пора позволить мне учиться на моих собственных ошибках.

– Хорошо. Я дам ему шанс. Как его зовут?

– Волан-де-Морт^[8].

Впервые за время разговора папа позволяет себе улыбнуться:

– В самом деле?

– Его зовут Ли, он работает заместителем директора в какой-то рекламной фирме в Лидсе. Больше я о нем ничего не знаю, но, если ты представишь мне свои вопросы завтра к полудню, я обязательно задам их во время ужина с ним. Договорились?

Я быстро выхожу из кухни и иду в свою комнату. Когда я возвращаюсь через десять минут, папа уже поставил цветы в вазу. Я улыбаюсь ему. Иногда он так сильно старается быть правильным, что мне становится аж неприятно.

2 минуты назад

Твой папа только что рассказал мне. Не могу поверить, что тебя не стало. Не могу поверить, что ты уже никогда больше не будешь меня смешить. Я очень, очень сожалею, что не смогла тебя спасти. Люблю тебя вечно. Спи с миром, Джесс.

Понедельник, 11 января 2016 года

Я нахожусь в своей комнате, когда приходит это сообщение от Сейди. При этом я сначала вижу фотографию, сделанную еще в те времена, когда мы с Сейди ходили в начальную школу. Носки у меня обмотаны вокруг лодыжек, а волосы – растрепанные. Мы обе глуповато улыбаемся. В ответ на присланную Сейди фотографию я уже собираюсь написать СМС, но тут натыкаюсь на слова, которые она написала над этим снимком.

Я читаю их раз, другой, третий, чувствуя, что я что-то упускаю. Затем жду, не появится ли еще одно сообщение, в котором будет сказано, что это была шутка. Но больше сообщений не приходит. Я звоню Сейди.

– Почему ты написала только что мне эти слова?

– Что именно?

– Слова «спи с миром» в «Фейсбуке».

– По поводу Боуи?

– Нет, по поводу меня.

– Я ничего тебе не писала.

– Писала. В моей «Хронике». Две минуты назад. Там фотография, где мы с тобой в начальной школе, и слова о том, что ты не можешь поверить, что меня не стало, и что ты очень сожалешь, что не смогла меня спасти. Ты тем самым как бы имела в виду, что я мертва.

– Зачем я стала бы это делать?

– Не знаю. Поэтому я тебе и позвонила.

– Честное слово, я ничего такого не писала.

– Зайди в «Фейсбук» – и увидишь.

– Хорошо. – Примерно на минуту на другом конце линии воцаряется молчание. – Там ничего нет, – говорит она. – Я не размещала никаких публикаций в «Фейсбуке» вот уже несколько часов. А еще я только что заглянула в твою «Хронику». Там тоже ничего нет.

Я снова смотрю на свой телефон и читаю ей вслух ее публикацию.

– Это какой-то бред. Я бы такого никогда не написала. Даже в качестве шутки.

Ниже публикации Сейди появляется комментарий от Адриана – моего коллеги по работе.

– Послушай, – говорю я, – Адриан только что написал следующее: «О-о, Джесс, так жаль тебя терять. Буду скучать по твоей улыбке и нашим с тобой шуткам. Спи с миром, конфетка».

– Наверное, кто-то взломал твой аккаунт, – говорит Сейди. – Я не удивлюсь, если это сделала Нина. Она, возможно, тайком брала твой телефон или что-то в этом роде.

– Но как так получается, что я это вижу, а ты – нет?

– Не знаю. Наверное, есть какой-то способ это сделать.

– Наверное, взломали и твой аккаунт, потому что публикация-то сделана с него.

– Измени пароль. Я свой тоже изменю. Тогда это вроде бы должно прекратиться.

– Хорошо. Я тебе чуть позже перезвоню.

Я захожу в свой аккаунт. Я плохо запоминаю пароли, поэтому мне приходится записать свой новый пароль сразу же после того, как я его устанавливаю. Я выхожу из «Фейсбука», а

затем снова захожу в него и смотрю на свою «Хронику». Там сейчас под этой странной публикацией Сейди уже одиннадцать комментариев, причем парочку из них поместили люди, которых я не видела аж с тех пор, как окончила школу, и с которыми не пересекалась в «Фейсбуке» уже давным-давно. Я понятия не имею, почему все это происходит, но собираюсь положить этому конец прямо сейчас. Я начинаю печатать: «Ха-ха-ха, очень смешно. Сообщения о моей смерти сильно преувеличены» (насколько я помню, такая фраза фигурировала в какой-то книге или пьесе или где-то еще). Пытаюсь разместить эти слова в качестве публикации. Они не появляются. Я пытаюсь сделать это снова. Опять безрезультатно. Я ничего не понимаю. Не понимаю, что происходит. Снова звоню Сейди.

– Я изменила пароль, но эта публикация все еще там. Куча народу поместила свои комментарии, а у меня это сделать не получается. Программа мне этого не позволяет?

– Может, там какой-нибудь вирус или что-то в этом роде?

– А ты уверена, что не можешь этого видеть?

– Абсолютно.

– Я не понимаю, как такое вообще может быть.

– Это, наверное, шалит какой-нибудь тринадцатилетний хакер, которому надоело делать домашнюю работу по математике и который решил поразвлечься такими вот пакостями.

Я вздыхаю и качаю головой:

– И что, по-твоему, мне теперь следует делать?

– Просканируй на вирусы. Это, наверное, поможет. Кстати, если этого не может видеть никто, кроме тебя, то тогда, получается, никакого вреда нет?

– Но ведь люди начали писать комментарии – значит, они это видят? Что, если они подумают, будто я и в самом деле мертва?

– Ну, Адриан первым делом наверняка прислал бы какое-нибудь сообщение мне...

– Думаю, да. Адриан – милашка. Меня вообще-то тронуло за душу, что он написал такой грустный комментарий. Хотя мне понятно, что это очень глупо... Но все то, что люди написали в своих комментариях, – продолжаю я, – весьма похоже на то, что они и в самом деле написали бы.

– Ну, никто не стал бы писать, что он рад тому, что ты откинула коньки, разве не так? В тех случаях, когда кто-то умирает, все всегда говорят и пишут примерно одно и то же.

– Адриан назвал меня в своем комментарии «конфеткой». Как кто-то мог узнать, что он и в самом деле меня так называет?

– Может, потому, что он вообще всех в «Фейсбуке» называет конфеткой? Наверное, существует какой-то алгоритм, который позволяет определить, какие слова люди используют чаще всего.

– А может, ты была права насчет Нины, а? Может, она действительно имеет к этому какое-то отношение?

– Причина для этого у нее, наверное, есть, но я не уверена, что она достаточно умна и образованна для подобных дел.

– Но кто же еще тогда может желать мне зла, а?

– Никто не желает тебе зла, Джесс.

– А Каллум?

– У него тоже явно не семь пядей во лбу.

– Почему ты мне *в то время* об этом не говорила?

– Потому что ты не стала бы меня слушать. Как бы там ни было, почему бы тебе не

поговорить с Ниной утром и не послушать, *что* она тебе скажет? И перестань переживать. Ты ведь очень даже жива. Хорошо?

– Да.

На другом конце линии воцарилась тишина. И у меня возникло ощущение, что я знаю, *что* Сейди скажет дальше.

– С тобой все в порядке, да? Я имею в виду, что ты сказала бы, если бы...

– У меня все прекрасно.

– И ты сказала бы мне, если бы это было не так?

– Ты и сама знаешь, что сказала бы.

– Хорошо. А сейчас выключи свой телефон, просканируй свой лэптоп на вирусы, удали все, что будет выявлено, – и тогда я буду готова поспорить, что, когда ты заглянешь туда утром, там ничего не будет.

– Хорошо. Спасибо. Увидимся завтра.

Я откладываю телефон в сторону и открываю свой лэптоп. Возможно, в нем я ничего такого и не увижу. Возможно, такие фокусы – только в моем телефоне. Я щелкаю на иконке «Фейсбука» и просматриваю подряд все публикации за последнюю пару часов. Ничего. Ту фотографию я здесь не нахожу. Я щелкаю на своей «Хронике», чтобы перепроверить. И сразу же появляется публикация Сейди. Ниже уже целая куча комментариев. Люди спрашивают, что случилось. Публикации в моей «Хронике» стали размещать и другие люди: Жюль, вместе с которым я училась в колледже, Тарик, вместе с которым я работаю, парочка маминых друзей... Все они пишут одно и то же: что они шокированы, что они не могут поверить, что меня больше нет, и что это слишком много горя для одной семьи.

Я вытираю слезы, побежавшие у меня по щекам, и говорю себе не быть такой глупой. Если все это происходит из-за вируса, то проказник, который его создал, явно не задумывается над тем, как тяжело людям, потерявшим близкого и дорогого им человека. Сейди, возможно, права: это, видимо, какой-то подросток, который очень сильно заскучал и решил подобным образом себя развеселить. Мне не следует принимать это близко к сердцу.

Я слышу голоса из телевизора, доносящиеся из-под лестницы. Показывают, похоже, не футбол, а какую-то телепрограмму, посвященную кулинарии. Папа смотрит по телевизору либо футбол, либо такие вот программы. Я раздумываю над тем, не присоединиться ли к нему, чтобы как-то развеяться. Усесться уютненько вдвоем на диване, как мы раньше это делали. Ему понравится. Он всегда говорит, что мы проводим вместе слишком мало времени. В конце концов я решаю этого не делать. Он, возможно, заметит, что мне как-то не по себе, и спросит, что случилось. Или же снова начнет расспрашивать меня про Ли.

Я надеваю наушники, подсоединяю их к своему телефону и включаю воспроизведение первой песни в меню. Но у меня не получается отогнать от себя мысли о той публикации. Мне вдруг вспоминается мужчина, трогавший меня за задницу на вокзале. А может, он компьютерный фанат, который решил оторваться на мне за то, что я сегодня утром его публично унизила? Может, он каким-то образом умудрился найти мою фотографию и разыскать меня в интернете?

Я снимаю наушники и бросаю телефон на кровать. Потом встаю, подхожу к лэптопу и запускаю сканирование на вирусы. Я оставляю лэптоп в таком состоянии на всю ночь, надеясь, что к утру вся эта ерунда исчезнет.

12 июля 2017 г. Митолройд, Великобритания

Я со сжимающимся от горя сердцем сообщаю, что моя любимая дочь Джесс погибла вчера в результате несчастного случая. Я потерял мою маленькую девочку, и у меня нет слов, чтобы выразить, как много она для меня значила. Единственным утешением для меня служит уверенность в том, что она окажется рядом с ее мамой и что Дебора позаботится о ней. Спи с миром, прекрасная девочка.

Вторник, 12 января 2016 года

Я умерла в результате несчастного случая. Я крепко зажмуриваюсь и затем снова открываю глаза – просто чтобы убедиться, что не сплю. Слова передо мной на экране остаются такими же. Меня охватывает озноб. Проверка ноутбука на вирусы прошедшей ночью выдала однозначный результат: «Вирусы не обнаружены». Возможно, это единственный случай, когда это сообщение вызвало разочарование. Потому что если это не вирус, то что же, черт возьми, это тогда такое? Я уже собираюсь позвонить Сейди, когда до меня вдруг доходит, что в этом нет никакого смысла: она все равно не сможет этого увидеть. Мне придется показать ей эти публикации, когда мы будем ехать в поезде. И она увидит, что я ничего не выдумываю.

Я снова читаю «папины» слова, и у меня на глаза наворачиваются слезы. Мне кажется, он выразился бы именно так, если бы я погибла на самом деле. Перед мысленным взором встает картина, как папа сидит и нажимает двумя пальцами клавиши на своей клавиатуре (он никогда не размещает публикации в «Фейсбуке» через телефон: говорит, что его пальцы слишком большие для телефонных кнопок и что его раздражает предугадывание набираемых слов). Глаза у него красные. Какой-то скомканный лоскут торчит из кармана его любимого серого кардигана, который мама подарила ему на Рождество перед тем, как умерла. Эти публикации вполне реалистичны, даже слишком реалистичны, как по мне. И это мне очень не нравится. Они не кажутся случайными. Непохоже, что какой-то рыскающий по интернету хакер натолкнулся на меня совершенно случайно. Такое ощущение, что тот, кто делает это, выбрал своей целью именно меня осознанно.

И тут, когда я читаю папину публикацию в третий раз, я обращаю внимание на фигурирующую над ней дату: 12 июля 2017 года. Я таращусь на нее довольно долго, а мой мозг в это время пытается «переварить» то, что видят мои глаза. Как кто-то может менять даты в «Фейсбуке»? До этой даты ведь еще восемнадцать месяцев. Ровно восемнадцать месяцев! Я перемещаюсь по страничке до публикаций, появившихся вчера вечером. Когда я читала их, над ними были отметки «2 минуты назад» или «1 час назад». Сейчас же над публикацией Сейди написано «11 июля 2017 года». Мое дыхание становится быстрым и неглубоким. Я набираю в поисковике «Гугл»: «Как изменить даты в Фейсбуке». На меня накатывается волна облегчения, когда я вижу, что вообще-то это возможно. Я читаю, что даты публикаций можно менять в диапазоне прошлого аж до 1 января 1905 года. Однако, читая дальше, я узнаю, что датировать публикацию каким-нибудь днем из будущего невозможно. Никак невозможно.

Кто-то очень сильно пудрит мне мозги. Наверное, это какой-то парень, с которым я ходила в школу, который знает, какие события происходили в моей жизни, и который забавляется, донимая меня таким вот способом. Под папиной публикацией уже появилось несколько комментариев. Один из них – от моей двоюродной сестры Конни, живущей в Италии. Она в конце своей публикации разместила душещипательную идеограмму. Есть также комментарий от повара из ресторана, в котором работает папа: повар этот выражает свое глубокое сожаление по поводу папиной утраты.

Никто не поинтересовался, что же это был за несчастный случай. Меня, возможно, переехал автобус. Именно такой нелепый случай мог произойти с такой рассеянной

недотепой, как я. Я же все время пялюсь в свой мобильный телефон. Я ловлю себя на мысленной надежде на то, что смерть моя не была неприглядной, что людям не пришлось соскребать с асфальта мои остатки. Мне бы это не понравилось. Очень даже не понравилось.

Я не собираюсь позволять доставать меня подобным образом кому бы то ни было. Я сообщу об этом менеджерам «Фейсбука», и пусть они выяснят, кто все это вытворяет, и блокируют их. Или же примут какие-то другие меры. Они могут даже обратиться в полицию, если сочтут нужным, или, по крайней мере, пригрозить это сделать. Я просто хочу, чтобы это безобразие прекратилось.

Я надеваю свой домашний халат. Он представляет собой огромное пурпурное пушистое одеяние. Сейди говорит, что я в нем выгляжу как персонаж из мультфильма «Корпорация монстров». Я иду через лестничную площадку в ванную. До меня доносятся звуки движений папы внизу, на кухне. Я пытаюсь выкинуть из головы появившуюся перед моим мысленным взором сцену: он сидит за своим ноутбуком и плачет.

Обычно, когда я пользуюсь душем после папы, я делаю воду менее горячей. Он любит принимать очень горячий душ, а я – нет (он и чай пьет очень горячий, а я – нет). Но сегодня я оставляю воду такой, какая она есть, надеясь, что, может, хоть это заставит мой мозг отвлечься от происходящего – пусть и за счет ощущения жжения от бьющей по телу очень горячей воды. Когда я выхожу из душа, кожа у меня покрасневшая куда больше, чем обычно. Я снимаю свое полотенце с сушителя и заворачиваюсь в него. Это один из тех моментов, в которые я всегда вспоминаю маму – вспоминаю, как она вытирала меня насухо после купания в ванне, когда я была ребенком, и пела мне при этом дурацкие песенки восьмидесятых годов.

К тому времени, когда спускаюсь в кухню, папа, как я подозреваю, пьет уже третью чашку кофе за сегодняшний день. Он улыбается, подходит ко мне и целует меня в лоб. Иногда в подобных случаях я отстраняюсь и напоминаю ему, что мне уже давно не семь лет. Сегодня я ничего не говорю, а просто слегка улыбаюсь ему в ответ. Я знаю, что он наверняка еще не заходил в «Фейсбук». Он даже не включает свой мобильный телефон, пока не идет на работу. Впрочем, я уверена, что он не сможет увидеть те публикации. И это для меня – большое облегчение.

– У тебя все в порядке? – спрашивает он.

– Да, хотя спала я не очень хорошо.

– Тебе было холодно? Я дам тебе еще одно одеяло, если хочешь.

– Не надо. Я просто очень долго не могла заснуть.

Он кивает. Я замечаю цветы, стоящие на том же месте на столе, что и вчера вечером. Из-за этих странных событий я почти забыла про Ли.

– Сегодня вечером, наверное, пораньше ляжешь спать, чтобы хорошенько выспаться перед своим грандиозным свиданием, – говорит папа, принося мою кружку и ставя ее передо мной.

– Это вовсе не грандиозное свидание, – говорю я.

– А что же это тогда?

– Прием пищи – только и всего.

– Понятно, – говорит он, подмигивая.

Я опускаю взгляд: я не могу даже смотреть ему в глаза, не думая об *этом* – о том, каково ему придется, если я умру.

Я, как обычно, встречаюсь с Сейди на платформе. Мы не всегда работаем в одну и ту же смену, но, если график составляет Крис или Лиз, то они оба пытаются сделать так, чтобы мы с Сейди оказались в одной смене. Когда мы с ней учились в средней школе, над нами частенько подшучивали. Учитель английского языка называл нас Джессейди, потому что, как он говорил, мы были неразлучными, как сиамские близнецы. Впрочем, я всегда предпочитала иметь только одну хорошую подругу, чем быть частью какой-нибудь большой компании друзей. Или тройки. Три подруги – это в школе очень даже неудобно, потому что непонятно, с кем же из двух подруг сидеть за одной партой.

– Они разместили публикацию и от лица моего папы тоже, – сообщаю я, засовывая руку в карман, чтобы достать телефон. – В ней говорится, что я погибла в результате несчастного случая. А еще они поставили такую дату, как будто эта публикация размещена в следующем году.

– Каким образом они могли такое сделать? – спрашивает Сейди.

– Если верить «Гуглу», то такое невозможно, – отвечаю я, щелкая на иконке «Фейсбука» и переходя к своей «Хронике». – Это-то меня и нервирует. Сканирование на вирусы никаких вирусов не выявило. Кто-то делает это умышленно.

– Покажи мне. Я у себя по-прежнему ничего не вижу.

Я не отвечаю, потому что смотрю на свою «Хронику» и вижу, что там все вернулось в нормальное состояние. *Тех* публикаций в ней больше нет. Я прокручиваю страничку вверх и вниз и не нахожу их. Держа телефон в руке, я смотрю на Сейди.

– Они исчезли.

– Хорошо. Может, чтобы изменение пароля возымело свой эффект, как раз и нужно столько времени.

– Но они были там совсем недавно – перед тем, как я вышла из дому. Я проверила, потому что хотела показать тебе.

Сейди смотрит на меня. Я почти слышу, как она подбирает в уме правильные слова, прежде чем произнести их вслух.

– Ну, их, по крайней мере, уже нет – это главное.

– Мне хотелось, чтобы ты на них посмотрела!

– Я верю тебе, Джесс. Но сейчас это не так уж и важно, правда? Их больше нет, а это как раз то, чего ты хотела.

– Да. Думаю, да.

– А ты ведь можешь написать письмо в «Фейсбук»? Они, наверное, смогут сообщить тебе, был твой аккаунт взломан или нет.

– Но у меня нет никаких подтверждений! Это будет всего лишь мое голословное заявление о том, что у меня на страничке появлялись какие-то странные публикации, которых теперь уже нет. Раз их уже нет, то в «Фейсбуке» вряд ли станут утруждать себя расследованием данного инцидента.

– Думаю, не станут. Как я уже говорила, это скорее всего какой-нибудь прыщавый тринадцатилетний подросток из Гонконга, который не смог придумать себе более интересного занятия.

Я слышу свист на железнодорожных путях и через пару секунд вижу приближающийся поезд. Сейди права. Мне следует забыть о том, что произошло, – я это понимаю. Но что-то холодное внутри меня не позволяет мне этого сделать. Кто-то совершил поступок, прекрасно понимая, как сильно он меня расстроит. И я не могу оставить это без внимания.

Нина сегодня снова работает вместе со всеми остальными – нами, плебеями – в группе приема клиентов. «Группа приема клиентов» – это очень громкое название для тех, кто снует туда-сюда по кинозалам с пиццами и гамбургерами (более вкусными и более дорогими, потому что в них есть халлуми^[9]). Это, по-моему, вроде того, как мусорщиков теперь называют работниками по уборке бытовых отходов, а деревообработку и металлообработку – работой со стойкими материалами в школе. У всех и у всего в наше время должно быть звучное название.

– Ага, сегодня уже без цветов, – говорит Нина, когда я прохожу мимо нее в коридоре.

Я поворачиваюсь и смотрю на нее, пытаюсь понять, является ли ухмылка на ее лице ухмылкой человека, чувствующего свою вину.

– Ты ковырялась в моем телефоне? – спрашиваю я.

– Это еще что за вопрос?

– Вопрос, на который я хочу получить ответ. Ты проявляла большой интерес к тому, кто подарил мне вчера цветы.

– Ты в самом деле думаешь, что это интересовало меня настолько, что я стала бы ковыряться в твоих контактах в поисках твоего предполагаемого ухажера?

– Может, тебе захотелось зайти на мою страницу в «Фейсбуке».

– Зачем я стала бы это делать?

– Не знаю. Сама скажи мне. Некоторые люди такое делают.

– Ну, тогда я не из их числа. Меня твоя личная жизнь не интересует. И я предлагаю тебе... – говорит она, выставляя указательный палец в сторону моего лица, – не разбрасываться подобными обвинениями.

Я смотрю на нее, пытаюсь понять, говорит ли она правду. Ее крашенные светлые волосы стянуты в хвостик на затылке. При этом кажется, что все ее лицо стянуто к затылку вместе с волосами. У нее одно из тех противных и отчужденных лиц, которые встречаются на фотоснимках подозреваемых в объявлениях «Их разыскивает полиция». Однако, несмотря на ухмылку на устах Нины, я очень сомневаюсь, что у нее хватило бы ума и знаний на то, чтобы взломать мой аккаунт.

– Ну хорошо, давай на этом и разойдемся, – говорю я, уходя прочь.

Я слышу, как за моей спиной она громко цокнула и тихонько ругнулась, но решаю проигнорировать это. Я иду в комнату для персонала, чтобы сделать себе чай, беру чайник, трясую его из стороны в сторону, чтобы понять, есть ли в нем вода, и затем нажимаю на нем на кнопку. Кроме меня, в комнате никого нет. Я знаю, что мне не следует делать этого, но не могу сдержаться: достаю из сумки телефон и захожу на свою страницу в «Фейсбуке».

Те публикации появились снова, и под ними еще больше комментариев: теперь их уже десятки. Целая куча грустных идеограмм и пожеланий упокоиться с миром. Мои пальцы с силой сжимают телефон. Я ничего не понимаю. Этот хакер каким-то образом узнал мой новый пароль? Я захожу в настройки аккаунта и снова меняю пароль. Затем проверяю, не исчезли ли эти публикации, и вижу, что нет. И даты на них – из июля следующего года.

Вода в чайнике уже вскипела, но мне теперь уже не до чая. Я выхожу из комнаты и ищу Сейди.

– Вот, смотри, – говорю я ей, заходя на кухню, где она сортирует пакеты с кетчупом и горчицей. – Они появились снова.

Я едва ли не тыкаю ей дисплеем своего телефона в лицо. Она делает шаг назад, смотрит

на телефон, а затем, нахмурившись, переводит взгляд на меня.

– Чокнуться можно, правда? – говорю я.

– Там ничего нет, – тихо говорит она.

Я поворачиваю телефон дисплеем к себе и смотрю на него. Она права. На моей страничке в «Фейсбуке» – лишь моя обычная хроника. Никаких пожеланий упокоиться с миром не видно.

– Я не понимаю! – кричу я. – Они были там минуту назад – когда я находилась в комнате для персонала. Я проверяла.

Сейди смотрит таким взглядом, каким всегда смотрела на меня в тех случаях, когда у меня, как считалось, бывали проблемы с психикой. Взглядом, который говорит: «Я вовсе не хочу тебя обижать, но мне кажется, ты тут что-то путаешь».

– Может, забыть об этом хотя бы на некоторое время, а?

– Я знаю, что это какая-то ерунда, но у меня складывается впечатление, что только я одна и могу их видеть.

Сейди медленно кивает:

– Как я уже сказала – наверное, лучше перестать все время проверять, есть они там или нет.

– Да, – говорю я, кладя телефон себе в карман. – Ты права.

Она улыбается мне, но даже Сейди, у которой большой опыт по части подобных штук, не может скрыть за своей улыбкой охватившее ее беспокойство. Она снова начинает сортировать пакеты с кетчупом и горчицей.

– Эй, – говорю я, – я тебе помогу. Передай мне кетчупы.

12 июля 2017 г. в 20: 37

Я все еще надеюсь увидеть здесь одну из твоих публикаций. Я вижу твои имя и фамилию и думаю, что ты вот-вот разместишь какую-нибудь дурацкую и смешную публикацию, но этого, конечно же, не происходит. Я вижу лишь то, как кто-то пишет о своем сожалении по поводу твоей кончины. Досадно, но ты, я думаю, никогда даже понятия не имела, как много людей тебя любят. Я знаю, что ты иногда вела себя как задиристая нахалка, но в действительности – в глубине души – ты такой не была. Ты была такой же уязвимой, как все мы, каждый из нас. Думаю, даже в большей степени, чем все остальные. Вот почему ты так сильно запала на Ли. Тебе словно не верилось, что кто-то может тебя по-настоящему полюбить. Мне жаль, что ты не знала, что люди вообще-то тебя любят. Взгляни на все это сейчас, Джесс Маунт. Взгляни на всех этих людей, выстроившихся в очередь для того, чтобы сказать, как сильно они тебя любили. Людей, которые убиты горем из-за того, что ты погибла. Это вообще-то нелепо – не так ли? – что люди не говорят тебе таких слов до тех пор, пока ты не умрешь. Даже Нина у нас на работе заплакала, когда узнала о твоей кончине, а ты ведь думала, что она тебя всей душой ненавидит. И я люблю тебя, Джесс. Мы все тебя любим и безумно по тебе скучаем. И не переживай за «Г». Я обещаю тебе, что найду способ о нем позаботиться.

Вторник, 12 января 2016 года

Я прочла публикацию Сейди несколько раз. И комментарии. Люди выражают ей сочувствие. Пишут ей, что нужно быть сильной. Сокрушаются по поводу того, в каком отчаянии, должно быть, пребывает Ли. И все переживают за «Г».

Я читаю это, лежа на своей кровати, но голова у меня кружится так, будто я кручусь на карусели, что на рыночной площади, и меня бросает то вверх, то вниз. Внутри моего мозга роятся, рикошета от стенок черепа, бесчисленные мысли. Я говорю себе, что все это – полнейшая чушь, но какая-то малюсенькая часть меня не хочет этому верить. Какая-то малюсенькая часть, которая не может не испытывать нелепого волнения при мысли о том, что через восемнадцать месяцев я все еще буду встречаться с Ли. А это означает, что я дважды дура, ведь если я не верю в то, что все это – чушь, значит к тому моменту я буду уже мертва, а потому будет у меня ухажер или нет – становится не так уж и важно.

Самое странное заключается в том, что тот, кто вот так измывается надо мной, знает о моем знакомстве с Ли, при том что я не вхожу в число его друзей по «Фейсбуку», да и видела я его только один раз – два дня назад в течение всего пяти минут. А люди, которые шлют Ли свои соболезнования, даже не знают, что он в моей жизни существует.

Я сажусь на кровати, словно бы надеясь, что если приму вертикальное положение, то мир вокруг меня перестанет вертеться. Однако вместо этого мне начинает казаться, что я стою на краю крутящейся карусели, мои ноги дрожат, и я уверена, что вот-вот свалюсь с карусели. А среди атакующих меня вопросов, каждый из которых пытается привлечь мое внимание к себе, выделяется следующий: кто такой «Г»? Люди выражают ему свою симпатию, а Сейди написала мне, что найдет способ о нем позаботиться, однако я не имею ни малейшего понятия, кто он такой, этот «Г». Единственное, что приходит мне в голову, так это парень из поп-группы «Степс», которого звали Йен «Г» Уоткинс, но я абсолютно уверена, что он не имеет ко всему этому никакого отношения. Может быть, я возьму себе котенка и назову его «Г»? Вообще-то, я хочу завести маленькую кошечку, причем обязательно полосатую, но если я это сделаю, то назову ее Минервой в честь профессора Минервы Макгонагалл из романов и фильмов про Гарри Поттера. Я точно не стану называть ее «Г».

Что еще я никак не могу понять – так это то, почему даты этих публикаций по-прежнему относятся к будущему, которое наступит через восемнадцать месяцев. Может, тот, кто это делает, хочет, чтобы я думала, что меня ждет такое будущее? Он хочет изобразить из себя зловещего предсказателя и убедить меня, что жить мне осталось только восемнадцать месяцев? Это в социальных сетях такой себе эквивалент утыканной сотней иголок куклы вуду, обнаруженной рядом с тикающими часами в своей комнате. Неудивительно, что это меня так сильно раздражает. Я хочу остановить все это, но не знаю, что мне для этого нужно делать. Звонить Сейди – бессмысленно. Она и так уже переживает за меня, я знаю, и мне не хочется усугублять ее переживания. Не могу я показать эти публикации и папе со словами: «Послушай, ты ведь осознаешь, что ты так до сих пор еще не оправился после смерти своей жены. Так вот, кто-то утверждает, что через восемнадцать месяцев умру и я». Это явно не подходящий вариант моих действий. И в полицию я не могу обратиться, потому что они не смогут ничего увидеть. У меня нет доказательств. А если полицейские все-таки решили бы провести расследование, они узнали бы о том, что происходило раньше в моей жизни, и

сочли бы, что я чокнутая.

Я вздыхаю и кладу голову на стол. Вообще-то я не стала бы злиться на полицейских. Вся эта история – абсолютно неправдоподобная. Я вздыхаю и... резко выпрямляюсь, удивляясь, что не подумала об этом раньше. Проверяю свой лэптоп, чтобы убедиться, что эти публикации все еще там, и делаю скриншот. Я при этом слегка улыбаюсь – так, будто уличила кого-то, а он об этом еще не знает. Но уже через несколько секунд, когда я проверяю скриншот и вижу на нем лишь свою обычную «Хронику», которую может видеть кто угодно, улыбка эта исчезает. В животе у меня что-то сжимается. Я проделываю операцию еще раз, но получается то же самое. Даже если есть какой-то способ взломать мой аккаунт и разместить на нем подобные публикации, то это не может, не должно помешать запечатлеться этим публикациям на скриншоте.

Мне приходит в голову еще одна идея. Я беру свой телефон и фотографирую экран лэптопа. При этом я – на всякий случай – делаю три фотографии подряд. Однако когда я проверяю эти снимки, они оказываются фотографиями моей «Хроники» в ее нормальном состоянии – то есть такой, какой сейчас вообще-то нет на этом чертовом экране. Меня аж всю трясти начинает, и я кладу лэптоп на пол.

Я снова ложусь на кровать. Возможно, Сейди права, возможно, у меня начинаются проблемы с психикой. Может, я – единственный человек, который видит эти публикации, по той простой причине, что они существуют только в моей голове. А нам всем известно, *на что* способна моя голова. Может, теперь это просто проявляется иначе, поэтому я и не узнала это сразу. Что ж, звучит вполне правдоподобно, если подумать. Выходит, если ты когда-то чудил каким-то одним способом, а потом заставил себя это прекратить делать, то ты можешь найти другой способ чудить, чтобы обдурить свою систему внутреннего контроля. Но если это мой мозг подшучивает надо мной, то делает он это очень даже искусно. Только я не уверена, что достаточно умна для того, чтобы мой мозг смог такое отчебучить. Фыркнув, я начинаю смеяться. Забавно, но все вроде сходится, если предположить, что я просто схожу с ума.

Когда-то я слышала о людях, у которых белые кровяные клетки атакуют здоровые клетки. Может, я каким-то образом запрограммирована на нечто подобное? Может, я так привыкла пребывать в подавленном настроении, что уничтожаю признаки счастья, едва они появляются?

Я открываю глаза и с удивлением понимаю, что в какой-то момент ночи мне все-таки удалось заснуть. Тянусь к своему телефону. Там еще больше публикаций, еще больше комментариев. Еще больше горя, увидеть которое могу только я. Если я и в самом деле что-то вижу, а не выдумываю.

Свой приход на кухню я рассчитываю так, чтобы папа понял: времени на завтрак у меня нет. Сидя за столом, он поднимает на меня взгляд.

– Там есть банан, – кивает он в сторону рабочего кухонного стола.

– Я не голодна, спасибо, – говорю я.

– Тебе надо бы что-нибудь съесть.

– Нет, мне есть совсем не хочется.

– Бережешь себя для своего грандиозного свидания сегодня вечером, да?

– Да, что-то вроде того.

Папа продолжает смотреть на меня.

– Уже слишком поздно давать ему отбой, – говорит он. – Если у тебя есть на этот счет какие-то задние мысли. Впрочем, твоя мама не явилась на наше первое свидание. Я тебе про это рассказывал?

– У меня нет задних мыслей, – говорю я. – А про ваше с мамой первое свидание вы оба рассказывали мне много раз. – Я смотрю ему в глаза, а затем опускаю взгляд на свои ноги. – Ну да ладно, мне уже пора идти, иначе я опоздаю на поезд. Не сиди и не жди меня вечером, хорошо?

– Желаю хорошо развлечься. И будь осторожной.

Я киваю и открываю дверь. Когда я прохожу снаружи дома возле окна кухни, я вижу, что папа все еще сидит за кухонным столом и смотрит на цветы.

Я переодеваюсь в туалете сразу после окончания рабочего дня. Я понятия не имею, что нужно надевать, когда идешь в модный бар на свидание с заместителем директора, а потому взяла с собой свое любимое классическое платье и теперь натягиваю его на себя, пытаюсь при этом избавиться от мокрого куска туалетной бумаги, прилипшего к моему ботинку. Я подумала, что даже если я надену что-то «не то», эта одежда должна быть, по крайней мере, для меня привычной – такой, в которой я чувствую себя комфортно и про которую, кроме того, все говорят, что она мне к лицу. Я выхожу из кабинки и смотрю на себя в зеркало. Верхняя часть выглядит вполне нормально. Если бы зеркало могло говорить, как в сказке про Белоснежку, оно, наверное, сказало бы: «Не знаю, правильно ли было надевать пурпурные колготки и ботинки “ДМ”, милая», – но, к счастью, мы живем в мире, в котором зеркала не могут разговаривать, а потому мне грозят издевательства.

Я подвожу глаза карандашом толще, чем обычно, наношу на веки мерцающие медные тени, а на ресницы – двойной слой туши. Еще немного бальзама для губ – и я готова. Мама частенько говаривала, что ни глаза, ни губы в украшении не нуждаются. Я завожу волосы за ухо с одной стороны головы и взъерошиваю их с другой. Положительный момент придания своему облику некоторой небрежности заключается в том, что мои волосы, похоже, очень даже для этого подходят.

Когда я выхожу из туалета, мне навстречу идет Адриан с пылесосом «Генри» в руках.

– Ты сегодня вечером выглядишь особенно шикарно, конфетка, – говорит он и улыбается мне.

Я тоже ему улыбаюсь, но не нахожусь что сказать в ответ. В памяти всплывает то, что он написал обо мне в «Фейсбуке».

– Значит, сегодня у тебя суперсвидание? – спрашивает он.

– А ты откуда об этом знаешь?

– У стен в этом заведении есть уши, – говорит он. – А у некоторых людей – очень длинный язык.

Я качаю головой. Ему, несомненно, рассказала Нина.

– Могу сказать, что этому парню – кем бы он ни был – крупно повезло.

– Спасибо. Ну ладно, мне, пожалуй, не стоит заставлять его долго ждать.

– Немножко опоздай, милая, – говорит Адриан через плечо. – Всегда немножко опаздывай, чтобы люди замечали твое появление.

Я улыбаюсь и иду прочь. Я все еще сомневаюсь, правильно ли сделала, надев пурпурные колготки.

Целый день я упорно не заглядывала в свой телефон. Я пообещала себе, что не буду

этого делать. Но когда я уже еду на эскалаторе, моя рука тянется к телефону и одним движением – которое, я клянусь, было абсолютно произвольным – нажимаю на иконку «Фейсбука».

Это все равно что случайно попасть на чьи-то похороны. Все терзаются горем, хватаясь друг за друга в поисках поддержки и выражая соболезнования тем, кто был для усопшего самыми близкими и самыми дорогими людьми. В моем случае к ним, похоже, относится человек, с которым меня сейчас ждет первое свидание. Это все смахивает на какой-то странный фильм с перескоками во времени – фильм, в котором главная героиня знает, что она во второй серии умрет. На предстоящем свидании мне нужно быть осторожной, чтобы во время одной из неловких пауз, которые случаются в разговоре, сдуру не ляпнуть: «Кстати, все будут выражать свою скорбь по поводу того, что я умерла».

Я подхожу к «Ботанику». Фасад этого заведения оформлен кованым железом, уже слегка прихваченным ржавчиной. Я спускаюсь по ступенькам. Снаружи тоже есть столики, но сегодня вечером за ними никто не сидит. Ко мне, улыбаясь, плавно подходит официантка (которая, в отличие от меня, одета очень вычурно, и от нее не пахнет гамбургерами). Я поспешно окидываю помещение взглядом и замечаю Ли за столом в дальнем углу. Он одет в ту же самую куртку сливового цвета, но футболка под ней уже другая. У меня возникает подозрение, что он – один из тех людей, которые хорошо выглядят во всем, что бы они ни надели.

– Здравствуйте, – говорит официантка.

Она вопросительно смотрит на меня, но у меня почему-то вылетело из головы, как зовут ожидающего меня парня.

– Здравствуйте. Я... э-э... вон с ним, – говорю я, показывая в сторону Ли.

Она кивает, искусно скрывая свое удивление по поводу того, что у такой девушки, как я, свидание с таким парнем, как Ли.

– Прекрасно. Пойдемте со мной.

Я делаю так, как мне сказали. Ли поднимает взгляд. Он улыбается мне, и – я клянусь – мне при этом кажется, что половина Лидса погружается в темноту: такую яркую улыбку можно снабдить надлежащей энергией разве что за счет всей энергосистемы Великобритании.

– Привет, Джесс, – говорит Ли и, встав и наклонившись вперед, целует меня в щеку. – Выглядишь сногшибательно. Я очень рад, что ты смогла прийти.

Он разговаривает со мной, как со своей давнишней подругой, а не как с человеком, с которым он встретился впервые в жизни на вокзале лишь пару дней назад. Я быстренько сажусь за стол, отчаянно пытаюсь отогнать от себя мысли о том, как он горюет по поводу моей кончины.

– Спасибо, – говорю я. – Тут – не как на вокзале, где на ходу покупаешь себе какой-нибудь еды и бежишь на поезд.

– И, по крайней мере, рядом нет зачуханных пассажиров, – улыбается он.

– Да уж.

– Тебе часто приходится совершать такие вот поездки?

– Да, довольно часто.

– Там, на вокзале, как ты сказала, полно всяких придурков.

– Козлов.

– Что?

– Я сказала, что там полно всяких козлов. Да и в Лидсе их, похоже, тоже полно.

– Ну да, и я польщен, что ты сочла, что я – не козел.

Говоря это, он улыбается. Я уже собираюсь сказать, что к концу этого вечера, возможно, изменю свое мнение, но затем передумываю. Официантка возвращается и спрашивает, чего нам хотелось бы выпить. Я бросаю взгляд на лежащее на столе меню, в котором фигурируют коктейли, названий которых я никогда не слышала. Ли выжидающе смотрит на меня.

– Выбирай ты, – говорю я. – Мне подойдет что угодно.

Он поднимает бровь. Я впервые замечаю, какие у него потрясающие брови – темные, широкие и очень красивой формы для мужчины.

– Нам, пожалуйста, коктейль «Коллинс» с лимоном и жасмином, – говорит он официантке.

Та кивает. Он улыбается ей, но не сально, без вождления.

– Итак, – говорит он, когда официантка уходит, – где ты работаешь?

– В кинотеатре в торговом центре, – отвечаю я, показывая вверх, а затем резко опускаю руку вниз, когда до меня доходит, что это было нелепо. – Я – в группе приема клиентов, то есть я работаю как официантка, встречаю зрителей за стойкой дежурного администратора и все такое прочее.

– Тебе это нравится?

– Работа как работа, – пожимаю я плечами. – А еще у меня там есть возможность смотреть множество всяких фильмов. Ну, во всяком случае, отрывки из них.

– Им очень повезло, что у них есть ты.

– Ты можешь сказать это моему боссу, если хочешь.

– Знаешь, если они не очень тебя ценят, то мы вообще-то скоро дадим объявление, что нам требуется человек на ресепшен.

– Я не уверена, что подхожу для этой работы. Я ведь могу быть слишком прямолинейной и не стесняюсь в словах – как ты, возможно, заметил.

Ли снова улыбается:

– Нет, не заметил. В любом случае я не собираюсь превращать наш разговор в собеседование по поводу приема на работу. Этот вечер посвящен исключительно удовольствию.

Я слегка наклоняю голову, делая вид, что заглядываю в меню, – главным образом для того, чтобы скрыть, как зарделись мои щеки. Чего мне сейчас хотелось бы – так это гамбургер, но я подозреваю, что совсем не это станет заказывать в баре такой изысканный человек, как Ли.

– Может, закажем нам обоим подборку деликатесов? – спрашивает Ли, словно чувствуя мои сомнения. – Там много всяких, и мы сможем их сравнить.

– Годится.

– Но ты сама выбери холодную закуску.

– Хорошо. Это будут грибы с чесноком.

– Ты хочешь заставить меня держаться от тебя на расстоянии? – улыбается он.

– Нет. Мне просто не нравится, когда что-то подается на оловянной тарелочке или на дощечке, и хотя я понятия не имею, что такое, к примеру, фигурирующий в меню соус «Пири-пири», мне не нравится уже само его название.

– Ты – прямо-таки дуновение свежего воздуха, – говорит Ли, наклоняясь ко мне.

– Прекрасно, – отвечаю я. – Впрочем, ты уже не скажешь этого после того, как я поем

чеснока.

В нашем разговоре нет неловких пауз. Их нет на протяжении всего вечера. Мы разговариваем о многом: о том, где продаются самые лучшие пиццы в Лидсе, о том, какими дерьмовыми бывают фильмы, о том, что у меня нет парашюта, о том, что он не умеет толком ездить на мотоцикле. К тому времени, когда дело доходит до десерта, я уже думаю только о том, какими будут следующие восемнадцать месяцев моего общения с этим парнем. А еще – о том, что, если даже через восемнадцать месяцев я в самом деле умру, то, как мне кажется, я, по крайней мере, умру счастливой.

– Ну что, я по-прежнему не считаюсь козлом? – спрашивает Ли. – Или я оказался таким же ужасным, как и все остальные?

– Ты все еще не считаешься козлом, – говорю я с улыбкой. – А как насчет меня? Тебе не хочется забрать у меня свои цветы?

– Нет, можешь оставить их у себя, – говорит он. – Вот если бы ты весь вечер только и делала, что заглядывала в свой мобильный телефон, то я высказался бы прямо противоположно.

Я сглатываю, задаваясь на секунду вопросом, не знает ли он случайно, что со мной в последнее время происходит.

– Почему ты так говоришь?

– Просто я этого очень не люблю. Считаю, что это бестактно. Одна моя бывшая подруга все время заглядывала в свой мобильник. Это меня сильно раздражало.

– Я полагаю, ты встречался с ней недолго, да?

Прежде чем ответить, он пару секунд колеблется.

– Да, недолго. Она нарушила договоренность, которая была между нами.

– А что, если бы мне пришлось заглядывать в свой мобильный телефон по работе?

– Конечно, если ты врач по вызову или что-то в этом роде. Кому еще действительно нужно постоянно заглядывать в свой телефон? Этого не надо делать, во всяком случае в вечернее время. Большинство людей уж очень сильно интересуются тем, чем там занимаются другие люди, или же смотрят дурацкие видео в «Фейсбуке».

Я сжимаю ладони под столом и пытаюсь улыбнуться:

– Ну, тогда лучше не становись моим другом в «Фейсбуке». Я – из тех, кто делится со своими друзьями такими видео.

– «Фейсбук» постепенно отойдет. Я с него уже ушел. Сейчас вся молодежь уже в «Инстаграме». А в следующем году появится что-нибудь еще. Это как всегда и везде – все постоянно изменяется, движется вперед. И человеку приходится поспевать за этими изменениями.

– Ты сейчас похож на сотрудника рекламной компании, – говорю я.

– Извини, – усмехается он. – Да, мне не следовало говорить тебе всей этой ерунды, которая отнюдь не имеет первостепенного значения... Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Ну, тогда получается, что ты на десять лет моложе меня. Ты должна рассказать мне о себе – что ты за человек.

Я пожимаю плечами, пытаюсь скрыть свой шок, оттого что ему уже тридцать два, понимая, что мой папа придет в ужас, когда узнает об этом.

– Ну, я не иду вслед за толпой – люблю все делать по-своему. Люблю носить то, что мне

хочется носить, делать то, что мне хочется делать, говорить то, что мне хочется говорить. И я не люблю следовать советам и рекомендациям других людей.

– Ты, получается, свободолюбивый человек, да?

– Мне просто не нравится, когда меня поучают.

– Я это уже заметил, – снова улыбается он.

Нам приносят заказанное нами большое мягкое пирожное из песочного теста, посыпанное шоколадной крошкой. К нему дают две ложечки. Ли передает одну ложку мне и ждет, чтобы я попробовала первой.

– Вкусно? – спрашивает он.

Я киваю, боясь что-либо говорить, потому как подозреваю, что все мои зубы в шоколаде.

Он берет свою ложку и тоже пробует.

– Супер, – говорит он.

– Всегда выбирай то, что ты выбрал бы, когда тебе было двенадцать лет от роду, – говорю я ему.

– Ты выбрала бы грибы с чесноком, когда тебе было двенадцать лет?

– Да. Мой папа – повар. Я привыкла к чесноку еще с тех пор, когда только начала ходить.

Он говорил, что не хочет, чтобы я была одной из тех детей, которые не едят то, что едят их родители. Он наполовину итальянец, – добавляю я. – Это многое объясняет.

– Так что, у тебя знойная итальянская фамилия? – спрашивает Ли.

– Нет. Моя фамилия – Маунт. В школе моя фамилия считалась забавной. У папы итальянкой была мама, а не отец. Тем не менее у меня дурацкая фамилия.

– Но ты зато переняла у него средиземноморскую внешность.

– Только глаза. Все остальное – от мамы.

– Тогда она, должно быть, красивая женщина, – говорит Ли.

Я упираю взгляд в стол.

– Она умерла, – говорю я. – Семь лет назад. От рака. Но она и вправду была очень красивая. Во всех отношениях.

– Мне жаль, – говорит Ли.

– Ничего-ничего.

Я тянусь рукой к своему стакану, но он перехватывает мою ладонь.

– Я говорю искренне. Мне очень жаль. Я не знал. Тебе, по-видимому, было очень тяжело.

– Спасибо за сочувствие, – говорю я, пытаюсь удержать себя в руках. – Я пережила это – и это все, что я могу сказать. И все еще тоскую по ней.

– У тебя близкие отношения с отцом?

– Думаю, да. Я все еще живу вместе с ним. Смерть мамы стала для нас обоих тяжелым ударом.

Я больше не собираюсь говорить об этом. Меня удивляет, что я уже так много сказала. Обычно я не очень много о себе рассказываю – по крайней мере, людям, с которыми недавно познакомилась. Наверное, я сделала это потому, что знаю: он станет важным человеком в моей жизни. Во всяком случае, если верить моей страничке в «Фейсбуке».

– А твои родители? – спрашиваю я, желая сменить тему.

– Разведены, – говорит он. – Мама по-прежнему живет в Горсфорте, в пригороде Лидса, где я вырос. Я вижу с ней пару раз в неделю. Она готовит мне по воскресеньям жаркое.

– А папа?

Ли качает головой:

– Я его с тех пор почти не видел.

Мне хочется порасспрашивать его, но у меня возникает ощущение, что Ли не хочет об этом говорить. Я вдруг осознаю, что он все еще держит мою ладонь в своей. Мне это приятно. Мне кажется, что так и должно быть.

Он все еще держит мою ладонь в своей, когда мне вдруг приходит в голову посмотреть на часы.

– Вот черт!.. – говорю я. – Мне пора идти. Последний поезд домой – через десять минут.

– Если хочешь, я отправлю тебя на такси, – говорит Ли.

– Нет, не надо. Я поеду на поезде.

Ли просит принести счет и платит по нему наличными еще до того, как я успеваю предложить оплатить половину.

– Спасибо, – говорю я. – В следующий раз – моя очередь.

– Значит, ты думаешь, что будет следующий раз, да? – спрашивает Ли, поднимая брови.

– Да. Нужно по меньшей мере два свидания для того, чтобы разобраться, козел этот человек или нет. Иногда три. На первом свидании люди так стараются произвести впечатление, что им может даже удастся скрыть свою истинную сущность. На втором они обычно ведут себя менее осторожно и поэтому могут что-нибудь сболтнуть. Ну а на третьем они думают, что уже добились своего, и из них так и лезут всякие глупости.

– То есть весь процесс состоит из трех свиданий, да?

– Возможно. Хотя не каждый доходит до третьего свидания.

– Мне, получается, повезло, что мне удастся попасть на второе.

– Ну, это благодаря первому. Все, мне уже пора.

– Можно я пойду вместе с тобой на вокзал?

– Тебе придется со мной не идти, а бежать.

– Годится.

Он выходит вместе со мной на улицу, и я бросаюсь бежать. Секундой позже я чувствую, что он берет меня на бегу за руку.

– Ого! – говорит он. – Усэйн Болт^[10] тебя бы не догнал.

– Знаешь, нужно ввести новый олимпийский вид спорта – шестиминутный бег к поезду.

Мы бежим со всех ног по улице к железнодорожному вокзалу Лидса. Я чувствую, что из моего носа вот-вот потечет, и мысленно молю Бога о том, чтобы я не оказалась сопливой, если Ли попытается меня поцеловать. Мы подбегаем к турникету, и я засовываю руку в карман, чтобы достать билет.

– Если ты не найдешь его, то можешь переночевать у меня, – говорит он. – Моя квартира – как раз напротив платформы 17-би.

– Это что-то вроде Гарри Поттера. Тебе нужно пробежать сквозь стену, чтобы попасть в нее?

– К сожалению, нет. Мне приходится идти длинным окружным путем.

Я наконец нахожу свой билет и показываю его Ли.

– Извини, – говорю я.

– Ну что ж, тогда предложение действует и для следующего раза.

Он делает шаг вперед и целует меня в губы. И если у меня все-таки уже сопливый нос, то Ли слишком учтив для того, чтобы что-то сказать по этому поводу.

– Ну ладно, иди, – говорит он с улыбкой, отстраняясь от меня. – А то опоздаешь на поезд.

Я улыбаюсь, киваю и поспешно прохожу через турникет. Я бегу вверх по эскалатору и затем вниз по другому эскалатору. Поезд на Манчестер уже подъезжает к платформе.

В вагоне я нахожу для себя место возле окна. Мой телефон издает звуковой сигнал. Я достаю его из кармана и смотрю на пришедшее сообщение.

Я еще почти не знаю тебя, но у меня уже перехватывает дыхание. Х.

– Это был хороший вечер? – спрашивает папа, когда я прихожу домой. На часах – почти полночь. Я думала, что он к этому времени будет уже в постели.

– Да, классный. Спасибо. Выяснилось, что лорд Волан-де-Морт в реальной жизни весьма любезен.

Папа улыбается:

– А Ли? Мне бы он понравился?

– Да, – говорю я. – Я думаю, что да.

– Вот и хорошо. Я иду спать.

– Знаешь, тебе не нужно было меня дожидаться. Я уже большая девочка.

Папа оборачивается и смотрит на меня:

– Родители никогда не перестают переживать, Джесс. Это узнаешь, когда становишься родителем. Какими бы взрослыми ни были дети, их родители никогда не перестают за них переживать.

14 июля 2017 г. Митолройд, Великобритания

Для всех, кого это интересует, я размещу подробную информацию о предстоящих похоронах Джесс, как только все будет организовано. Нам придется подождать до того момента, когда коронер закончит расследование. Такое расследование, похоже, проводится всегда, когда кто-то умирает внезапной смертью. Спасибо всем за открытки с подбадривающими надписями и сообщения с соболезнованиями и хорошими словами в адрес Джесс. Ничто сейчас не может ослабить мою боль, но мне приятно осознавать, что вы все переживаете и что Джесс значила так много для такого большого числа людей.

Четверг, 14 января 2016 года

Меня радует, что моя смерть была внезапной. Мама как-то раз сказала мне, что ее самая сильная боль не была физической: больнее всего ей было видеть то, как страдаем мы, глядя на ее медленное и мучительное увядание. А вот при внезапной смерти все, по крайней мере, будут от этого избавлены. Им придется всего лишь пережить шок. Шок, который чувствуется, похоже, в каждом из комментариев, прочитанных мною до этого момента.

Я задумываюсь над тем, что же это мог быть за несчастный случай. Мне вспоминается, как однажды в начальной школе, когда мы делали рисунки, распыляя краски (при этом нужно было сильно дуть в распылитель), я, вместо того чтобы дунуть, втянула краску в себя. Краска была красной, и с учительницей едва не случился сердечный приступ, когда она повернулась и увидела, что у меня изо рта капает красная жидкость. Моя смерть будет представлять собой какую-нибудь нелепость вроде этой – в этом я очень даже уверена. Мне остается только надеяться, что об этом не напишут на моем надгробии. Не напишут что-то вроде: «Здесь лежит Джесс Маунт, умершая абсолютно дурацкой смертью».

Я сажусь в кровати и качаю головой, осознав, что терзаюсь по поводу какой-то чуши. Мне ведь понятно, что именно этого и хотят те, кто сейчас со мной так зло шутит. Но когда читаешь публикацию собственного отца по поводу приготовлений к твоим похоронам, очень трудно не отнестись к этому серьезно. Причем очень серьезно.

Мне приходит в голову, что это, возможно, был и не несчастный случай. Я могла покончить с собой. Совершить самоубийство. Может, именно поэтому и пришлось вмешаться коронеру. Впрочем, я сомневаюсь, что у меня хватило бы на это решимости. Даже если бы имелась серьезная причина. И если через год я все еще буду встречаться с Ли, то не вижу никаких оснований для того, чтобы у меня могла возникнуть мысль о самоубийстве.

Я позволяю себе слегка улыбнуться, вспомнив о том, как приятно мне было чувствовать свою ладонь в его ладони, когда мы вчера вечером бежали с ним к железнодорожному вокзалу. Да, у нас с ним будет второе свидание. Это я знаю точно. И если верить тому, что я читаю в «Фейсбуке» (чему я не верю), то будет еще и превеликое множество других свиданий, пока в один прекрасный момент меня не переедет автобус или же не произойдет что-то в этом роде.

А может, я просто упаду в пролет между поездом и платформой? Как подходяще это будет для девушки, которая всю свою жизнь бегала к поездам, боясь опоздать на них. Однако это будет очень мерзко. И у всех на глазах. А меня ни то, ни другое не устраивает.

Вздыхнув, я встаю с постели и смотрю на телефон, заряжающийся на комод, но твердо придерживаюсь своего решения к нему не прикасаться. Мне необходимо прекратить читать эти публикации. Возможно, существует какой-то способ определить со стороны, щелкала ли я на них и читала ли их. Если я не буду их читать, сообщать о них и жаловаться, то моим мучителям станет скучно и они переключатся на кого-нибудь другого. Не могу представить себе, чтобы тот, кто этим занимается, стал бы продолжать это делать очень долго.

Я очень надеюсь, что не стал бы, потому что от одной только мысли, что какой-то там Док – вроде Дока из фильма «Назад, в будущее» – будет размещать в «Фейсбуке» из будущего публикации по поводу моей кончины аж до конца моих дней, мне становится дурно.

– Ну что, как? – спрашивает Сейди, когда я прихожу на станцию.

– Было хорошо, – отвечаю я, изо всех сил пытаюсь не улыбнуться.

– Насколько хорошо? По шкале от одного до десяти.

– Не знаю. Может, девять.

– Значит, я так понимаю, за все заплатил он.

– Он был настоящим джентльменом.

– Ты хочешь сказать, что он не предложил тебе трахнуть с ним?

– Он сказал, что я могу у него переночевать, если хочу.

– Почему же ты этого не сделала?

– Послушай, я не настолько испорченная. Не на первом же свидании!

– Как будто раньше это тебя сдерживало.

– Ну, это было уже давно.

– Но он тебя поцеловал, да?

– Может, и поцеловал.

– Ну и как по шкале из десяти?

– Девять.

– Две девятки от девушки, которая никогда не присуждает десяток! Черт возьми, похоже, мне пора покупать себе шляпку на твою свадьбу.

– Утомись. Еще ведь только начало. У него еще уйма шансов все испортить. У меня, кстати, тоже.

Я говорю это потому, что в подобных случаях я обычно так говорю. Но даже когда я произношу эти слова, я думаю о том, что Сейди написала в «Фейсбуке»: дескать, я сильно запала на Ли потому, что не думала, что меня вообще-то любят многие люди.

– И когда ты встречаешься с ним в следующий раз?

– Он сказал, что напишет мне.

– Они все так говорят.

– Он напишет.

– Почему ты в этом так уверена?

– Он точно напишет.

Мы садимся на поезд, идущий в Лидс. Как обычно, во второй вагон – самый безопасный. Сейди никогда по этому поводу ничего не говорит. Время от времени, когда поезд забит людьми и нам приходится садиться в один из последних вагонов, она смотрит на меня, чтобы увидеть на моем лице согласие, но никогда ничего не говорит. Она знает, что этого лучше не делать.

Мой телефон издает звуковой сигнал. Я достаю гаджет и вижу на дисплее имя Ли. Я отважилась внести его в список контактов в телефоне только вчера вечером, когда уже ехала домой. Я щелкаю на сообщении.

Когда я смогу снова с тобой увидеться? Как насчет обеденного перерыва, если ты теперь работаешь допоздна? В пятницу?

– Что я тебе говорила? – спрашиваю я у Сейди.

Она присвистывает:

– Впечатляет. Он держит свое слово.

Я пишу ответное сообщение: Пятница подходит. Примерно в 12: 30. Я начинаю работу в

2.

Он сразу отвечает: Прекрасно. Тогда в том же месте в 12: 30. Жду с нетерпением. X

Я кладу телефон обратно себе в карман.

– Ну и что там? – спрашивает Сейди.

– В пятницу, в обеденный перерыв.

– Жаждет встречи.

– Похоже, что да.

– Здорово. Мне приятно видеть, что ты улыбаешься. Я полагаю, что та фигня прекратилась, да? Ну, ты знаешь – то, что происходило в «Фейсбуке».

Я колеблюсь. Мне вообще-то хочется сказать ей правду, но, скорее всего, произойдет то же самое, что и в прошлый раз: она не сможет увидеть эти публикации. И я не хочу, чтобы она опять посмотрела на меня тем обеспокоенным взглядом. За свою жизнь я видела уже достаточно много таких взглядов.

– Да, – вздыхаю я. – Все снова стало нормальным.

Об этом мне сообщает Нина. Если бы я могла выбирать того, кто приносит плохие вести, она была бы второй в моем списке на эту роль – сразу после профессора Долорес Амбридж^[11].

– Ты слышала про Алана Рикмана?^[12] – спрашивает она, когда мы идем на кухню.

– Слышала что?

– Он умер. В реальной жизни, я имею в виду, а не как Снегг^[13] в руках Волан-де-Морта.

Я таращусь на нее, не желая верить тому, что слышу.

– Ты уверена?

– Да. Об этом написали на веб-сайте новостей Би-би-си и вообще везде. По-видимому, от рака. Ему не было и семидесяти. Кто, интересно, будет следующим, а? Они один за другим на этой неделе откидывают коньки.

Ее, похоже, забавляет то, что вдруг стало умирать так много знаменитостей. Я кладу тарелку, которую держу в руках, и поворачиваюсь, чтобы уйти.

– Эй! – громко говорит Нина. – Не оставляй меня здесь одну. Нам нужно привести в порядок еще очень много столов.

Я не слушаю ее. Я иду в сторону туалетов. Нина, конечно же, понятия не имеет, как много Алан Рикман значил для меня. Я боготворила его, когда была подростком. Северус Снегг был явно самым лучшим персонажем в «Гарри Поттере», и Алан Рикман, игравший Снегга, изобразил его идеально – его недостатки, его тайны, его внутренние конфликты. Я смотрела первые пять фильмов с мамой. Я все еще помню, как тяжело мне было смотреть фильм «Гарри Поттер и Принц-полукровка» без нее. Я знала, что этот фильм понравился бы ей почти так же сильно, как и мне.

Захожу в туалетную кабинку и начинаю плакать. Я даже не знала, что Алан Рикман был серьезно болен. Хотя, если бы я это знала, мне, конечно, было бы не легче. Данное известие меня шокировало – вот и все. Мама умерла, Алан Рикман умер, а теперь еще – предположительно – предстоит умереть и мне... Все это и вправду ужасно шокирует. Я достаю из кармана телефон и захожу на веб-сайт новостей Би-би-си. Там приводятся слова Дж. К. Роулинг и Дэниела Рэдклиффа^[14]. Они говорят как раз то, что от них в данном случае и можно ожидать услышать: он был блестящим актером, замечательным человеком, верным – на всю жизнь – другом. Я захожу в «Фейсбук». Там полно скорбных сообщений по поводу его кончины. Я просматриваю их и, находя самые хорошие, нажимаю на «Поделиться». Затем я

ищу с помощью «Гугла» нужную мне сцену – одно из первых занятий по приготовлению зелья, – копирую ссылку и размещаю публикацию под словом «Всегда».

Я продолжаю просматривать публикации, глядя на фотографии сквозь слезы и сквозь пряди упавших на глаза темных волос. Люди пишут такие красивые слова: например, «как печально то, что первыми уходят самые лучшие». А еще они пишут о вроде бы незначительных моментах и вещах, о которых они будут помнить. Я откидываю волосы назад, подальше от глаз. И только тут до меня доходит, что я уже смотрю на публикации по поводу кончины не Алана Рикмана, а по поводу своей собственной кончины, в которых оплакивают *меня*. Люди пишут, что они пережили шок из-за того, что я умерла, пишут, что скорбят, пишут, что теперь у них на душе пустота. Слезы у меня начинают течь сильнее. Я уже и не знаю, кого оплакиваю – свою маму, Алана Рикмана или саму себя. Возможно, всех троих. И вообще всех тех, кто ушел из жизни раньше времени.

Минут через десять я слышу, как дверь открывается.

– Джесс!.. С тобой все в порядке?

Я вытираю нос рукавом и открываю дверь кабинки.

Сейди, взглянув на мое лицо, обнимает меня:

– Извини. Нина мне только что рассказала. Я подумала, что ты, наверное, здесь. Ну что за ужасная неделя! Я знаю, как много он значил для тебя.

Я громко соплю в ее ухо:

– Следующей буду я. Папа организовывает мои похороны. Ты пишешь, как сильно ты по мне скучаешь.

Сейди отстраняется от меня и смотрит мне в глаза. Я достаю свой телефон.

– Ты не сможешь увидеть эти публикации, я знаю, но они здесь. Я их вижу. Через восемнадцать месяцев вы будете писать обо мне до смешного хорошие слова, только мне это уже надоело, даже хочется, чтобы кто-нибудь из вас заявил, что я унылая корова с ужасным вкусом по части одежды и вообще дерьмо.

Сейди качает головой и берет у меня телефон.

– Здесь о тебе ничего нет, Джесс. Здесь все об Алане Рикмане. Я понимаю, что ты расстроена, но ты не должна позволять этому начаться снова.

– Я знаю, это звучит странно и нелепо, но эти публикации там появляются – появляются только тогда, когда я наедине с собой. Я не могу сделать ни скриншот, ни фотографию, но ты должна поверить мне, что они появляются.

Сейди гладит мои влажные волосы.

– Успокойся, – говорит она, беря меня за руку и ведя к умывальникам. – Давай приведем тебя в порядок. Тебя скоро хватятся. Я знаю, что это могло шокировать, Джесс, и, конечно, это тебя очень сильно взбудоражило. Тебе нужно просто пережить сегодняшний день, ведь правда? Я обещаю, завтрашний день уже не будет таким мрачным.

Я киваю и кладу свой телефон обратно в карман, очень надеюсь на то, что она права.

Апрель 2008 года

Я стою у ее могилы очень долго. Чувствую внутри себя пустоту – нет даже слез. Тот факт, что я знала, что это произойдет, вроде бы должен был облегчить боль. Но легче не становится. И если кто-то скажет, что она, по крайней мере, уже больше не страдает, я, клянусь, врежу этому человеку по физиономии. Ну конечно, она не страдает. Она ушла от нас. Случилось то, чего она боялась больше всего.

Я не знаю, что будет происходить дальше. Я не уверена, что хочу, чтобы что-то произошло. Может, я смогу просто стоять здесь, возле нее, чувствуя, что она рядом. Потому что точно знаю только одно: для меня будет невыносимо отсюда уйти.

Я не понимаю, как может произойти что-то стоящее, после того как мамы не стало, но она говорила мне не думать об этом. Она прочла мне целые лекции на данную тему. О том, как она хотела, чтобы я встречалась с друзьями, жила своей жизнью и делала все то, чего не довелось делать ей. Она говорила мне, что я – ее храбрая девочка. Что я достаточно сильна для того, чтобы пройти через все это. И вот ее уже нет, а я совсем не чувствую себя сильной. Единственное, что я могу делать, – это стоять, держась прямо, на одном месте. Даже переставить как-то ноги – мне сейчас не по силам.

Я смотрю вниз – туда, где в яме передо мной лежит гроб. Мне хочется прыгнуть и сесть на него. Мне хочется стащить с него крышку и посмотреть на маму еще один раз до того, как она уйдет. До того, как ее забросают землей и она уйдет навсегда.

Я чувствую, как кто-то кладет ладонь на мое плечо. Я оборачиваюсь и вижу, что за мной стоит папа. Его глаза покраснели, щеки ввалились. Боль и страдание сочатся у него из каждой поры.

– Я не хочу от нее уходить, – говорю я.

– Я знаю, – отвечает он. – Я тоже.

– А разве мы не можем взять ее домой? Не можем похоронить ее на заднем дворе?

Он качает головой и вытирает глаза.

– Она внутри тебя, – говорит он. – Ты можешь носить ее с собой все время. Она в твоём сердце.

Я смотрю на него. Он говорит искренне, я это чувствую. Но он, так же как и я, не знает, как пережить это горе. И, честно, меня уже тошнит, что ко мне относятся как к ребенку. Мама не внутри меня. Она – в гробу, передо мной. И скоро она будет засыпана землей, а сверху установят надгробие с надписью: «Дебора Маунт, горячо любимая жена, мама и дочь». Люди будут проходить мимо и читать на ходу эту надпись, но у них, черт побери, не будет ни малейшего понятия относительно того, как много она значила для нас.

Четверг, 14 января 2016 года

Когда люди говорят «надеть на себя маску», я понимаю, что это всего лишь фраза, которую они используют. Однако это вообще-то самое лучшее описание того, что я делаю каждое утро, причем уже много-много лет. Я смотрю в зеркало и вижу настоящую себя: морщины, испещрившие мое лицо, грусть в глазах, сухая, желтоватая кожа. Я не могу выйти из дому в таком виде: не хочу, чтобы люди знали такую версию меня. Это для меня все равно что выйти на улицу голой. Увидев меня такой, люди поймут слишком много и зададут слишком много вопросов. Ох уж мне эти вопросы!.. Вопросы от людей, которые думают, что они уже знают ответы.

Поэтому я «надеваю на себя маску». Это долгий, трудоемкий процесс, и сейчас в большей степени, чем раньше. Но он абсолютно необходим. Убирая густую челку назад, прочь от лица, я надеваю на лоб повязку. Это обнажает тот факт, что корни моих волос уже нуждаются в особом уходе, но пока я пытаюсь это игнорировать. Увлажняющий крем затекает в мои поры, но моей коже всегда хочется его побольше. Однажды женщина за прилавком косметики в магазине фармацевтической компании «Бутс» сказала мне, что цвет моей кожи – блеклый, поэтому я выбрала более темный тон, чтобы не выглядеть так, как, наверное, выглядел бы оживший мертвец. С тех пор я его не меняла. Я жду, пока крем впитается, а затем пудрю себе лицо, пользуясь маленькой пудреницей с зеркальцем. Такие пудреницы с компактной пудрой, я думаю, уже считаются старомодными. Мне доводится видеть, как молодые женщины наносят большими кисточками на свое лицо рассыпчатую пудру так, будто сегодняшний день – последний. Но для меня это не подходит. Мне в этом деле необходима высокая точность. Мне нравится осознавать, что я без какой-либо суеты и дрожи в руках сумела охватить все, ничего не пропустив, но и не перестаравшись. Затем я наношу кисточкой румяна. Я наношу их маленькой кисточкой, совсем немножко. Больше всего времени у меня уходит на глаза. Я медленно и аккуратно работаю над ними черным контурным карандашом. Без подведенных глаз я чувствую себя голой. Я не открыла бы дверь даже почтальону. Сначала я наношу на веки светлые тени (совсем немного), а затем – слой черной туши на ресницы. У меня тонкие брови, их тоже можно было бы слегка подкрасить, но они почти полностью скрыты челкой. Наконец, я подкрашиваю губы перламутровой помадой. Я использую один и тот же цвет вот уже тридцать лет. Даже не знаю, что буду делать, если такую помаду вдруг перестанут выпускать.

Я снимаю со лба повязку и расчесываю волосы так, чтобы кончики прядей нежно касались лица, подчеркивая линию подбородка. Ну вот, теперь у меня на лице «маска». Мне приходится надевать ее каждый день, но я не хочу, чтобы люди знали об этом. Я надеюсь, что мне удастся их обмануть, что они будут думать, что это и есть настоящая я, и не станут допытываться, что скрывается под всем этим. Не станут пытаться содрать с меня эту маску. А я буду продолжать ее носить. Буду улыбаться и, когда меня будут спрашивать, как у меня дела, буду отвечать, что все замечательно. Потому что это единственный известный мне способ справиться со своими проблемами – проблемами стареющей женщины.

Я смотрю на свои наручные часы. Еще только половина восьмого. Я всегда вставала рано – даже тогда, когда в этом не было никакой необходимости.

Я не работаю по четвергам. Это одна из тех особенностей, которая мне нравится в

работе в супермаркете: там очень гибкий подход к тем, кто работает неполный рабочий день. Ли приезжает навестить меня в четверг после работы. Он стал бы смеяться, если бы я сказала ему, почему не работаю по четвергам. Сказал бы мне не быть такой глупой. Но мне хочется, чтобы к его приходу все было так, как следует: чистота, порядок и уют в доме, ужин в духовке, и я вся ухоженная и разнаряженная. Я могла бы всего этого не делать, но я это делаю. Всегда.

Я спускаюсь на первый этаж. На кухне звучат программы радиостанции «Радио-2». Они развлекают меня с утра до вечера, хотя иногда, во время программы, которую ведет Джереми Вайн^[15], я ставлю компакт-диск с музыкой, потому что предпочитаю музыку болтовне о том о сем. Особенно болтовне про политику. Ею я вообще не интересуюсь.

Я надеваю резиновые перчатки и начинаю наведение порядка с мойки. Моя мама научила меня, как наводить порядок на кухне надлежащим образом. На ее водопроводных кранах вы смогли бы увидеть свое отражение. «Я это просто быстренько протру» – такой подход был не для нее. Я вдыхаю запах чистящего средства. Вроде бы оно должно пахнуть сосной, хотя в таких средствах мне нравятся другие, более острые запахи. Думаю, запахи химических веществ. А впрочем, пусть пахнет чем угодно, лишь бы это был запах чистоты. Мне нравится чувствовать уверенность, что при уборке ничего не было упущено.

Когда я заканчиваю уборку, кухня безупречна. Ее можно даже использовать в какой-нибудь телевизионной рекламе. Это хороший способ начать день – превратить нечто обычное в нечто особенное.

Я смотрю на свои наручные часы. Ли придет через десять минут. Ему все еще нравится быть пунктуальным – точь-в-точь как и мне. От старых привычек избавиться трудно. Приехать вовремя – это, конечно, не так-то просто при загруженности улиц, но Ли всегда как-то умудряется уходить с работы без задержек. Когда он устроился на свою нынешнюю работу, я переживала, что он станет одним из тех трудоголиков, которые ставят карьере превыше всего, и лишь лет в пятьдесят, проснувшись в один прекрасный день, вдруг осознают, что забыли обзавестись семьей. Однако тот факт, что у него все еще находится время для мамы, позволяет мне надеяться, что он находит время и на кое-что другое. Он не из той категории парней, которые интересуются только своей работой и поэтому становятся очень нудными. Впрочем, пока нет никаких признаков, что он встречается с какой-то девушкой. С тех самых пор, как он расстался с Эммой. Но о ней мы с ним, разумеется, не говорим.

Я проверяю лазанью, готовящуюся в духовке, и поворачиваю ее, чтобы она пропеклась равномерно. Я знаю, что Ли ест много изысканных блюд, когда ходит по ресторанам и кафе, но ему все еще очень нравятся лазанья и воскресное жаркое его мамы. Я готовлю для него большие порции. Они побольше порций в тех шикарных ресторанах, в которых он бывает. И я изо всех сил стараюсь идти в ногу со временем. На прошлой неделе я приготовила макароны с тунцом и красным стручковым перцем. Это одно из тех слегка необычных блюд, рекламируемых в супермаркете «Сейнсбери».

Строго в назначенное время я слышу, как Ли вставляет ключ в дверной замок. Он стал жить отдельно почти десять лет назад, но когда он открывает входную дверь своим ключом, мне приятно думать, что этот дом все еще и его дом тоже. Есть что-то особенное в том, когда ты, уже став взрослым, приходишь в дом, в котором вырос. По крайней мере, так кажется лично мне.

– Привет, милый, – говорю я, встречая его в коридоре.

Он улыбается и наклоняется, чтобы меня поцеловать. Щеки у него холодные, но его глаза сегодня вечером блестят как-то по-особенному. У него такие же глаза, как у его отца. Хотя мы и не упоминаем об этом.

– Привет, мама. Тут что-то очень приятно пахнет.

– Лазанья, – говорю я. – Она будет готова через минутку-другую. Зайди на кухню и согрейся. – Я беру его куртку и вешаю на вешалку, а затем иду вслед за ним на кухню. – Как у тебя дела на работе?

– Хорошо. Как обычно, дел по горло, а тут еще Карл заболел – что было совсем некстати. Но мы справимся.

Он снова улыбается. Я никогда не расспрашиваю его слишком много про его работу. Я понимаю в целом, чем он занимается, но подробности меня не очень-то интересуют, и он это знает. Что для меня важно – так это то, что у него хорошая работа. Я всегда мечтала, чтобы у него была именно такая работа. Каждый родитель хочет для своего ребенка лучшей жизни, чем у его родителей, и чтобы у него было больше перспектив. И я знаю, что платят ему на его работе хорошо, потому что немногие мужчины его возраста могут позволить себе хорошую квартиру в центре города.

– Я уверена, что ты сумеешь со всем справиться. Ты всегда справляешься. Ну да ладно, садись, а я накрою на стол.

– Можно я тебе помогу?

– Нет, спасибо, милый. Тебе нужно отдохнуть.

Он всегда предлагает свою помощь, а я всегда говорю «нет». Тем не менее мне приятно, что он все время рвется мне помочь.

– Пожалуйста, – говорю я, ставя перед ним его тарелку.

Я пытаюсь налить ему бокал вина. Точнее, полбокала – он, когда за рулем, больше половины бокала не пьет.

– Нет, не надо, спасибо, – говорит он, накрыв бокал ладонью.

– Ты воздерживаешься по какой-то важной причине, да? – спрашиваю я, садясь напротив него. – Что-то вроде январского месячника воздержания?

– Нет. Просто я выпил несколько бокалов вчера вечером.

– С коллегами по работе?

– Нет. Я ходил в ресторан с одной своей знакомой.

Я начинаю разрезать лазанью.

– Я ее знаю?

– Нет. Я познакомился с ней на этой неделе.

Он опускает ресницы, но я успеваю заметить выражение его глаз.

– Ну и кто она?

– Я не могу ничего от тебя утаить, да? – говорит он, поднимая взгляд.

Правда, при этом он улыбается. И улыбается с таким видом, что становится ясно: он не возражает против того, чтобы я его расспрашивала. Я сглатываю, чувствуя, как внутри меня словно зажегся какой-то огонек.

– Похоже, кем бы она ни была, ты весьма рад тому, что с ней познакомился?

– Ее зовут Джесс. Вчера вечером было всего лишь первое свидание, но она мне нравится. Она мне очень нравится.

– Она работает вместе с тобой? – спрашиваю я, надеясь, что ответ будет отрицательным,

потому что, насколько я могу судить, те женщины, которые работают вместе с Ли, уж очень сконцентрированы на своей карьере.

– Нет, не со мной, но неподалеку. Я вообще-то встретил ее на вокзале. Между нами совершенно случайно завязался разговор.

– Чем она занимается?

– Она работает в кинотеатре, который находится в торговом центре. Встречает зрителей, здороваются с ними, проводит их к их местам – и все такое прочее.

Я киваю. Это не тот род занятий, который можно считать более важным, чем семья.

– Она хорошенькая?

– Мама...

– А что, в нынешние времена про такое уже не спрашивают?

– Она вообще-то потрясающая. Не в обычном, гламурном смысле, нет. Она производит ошеломляющее впечатление. Но при этом очень земная.

– Ну, и когда ты меня с ней познакомишь?

– Дай мне время, это ведь было всего лишь первое свидание.

– Хорошо, но постарайся поскорее привести ее сюда на воскресный обед.

– Ты имеешь в виду – чтобы ты могла ее осмотреть, как ветеринар осматривает какую-нибудь лошадку, да? – снова улыбается он.

– Нет. Чтобы я могла поприветствовать ее в нашей семье.

Ли поднимает бровь:

– Как я уже сказал, дай мне время. Давай будем продвигаться вперед шаг за шагом. Я не хочу пороть горячку.

– Тебе тридцать два года, Ли. Я не думаю, что кто-то смог бы обвинить тебя в том, что ты порешь горячку.

Он перестает жевать и смотрит на меня. Впервые за этот вечер в воздухе чувствуется холодок.

– Если понуждать какого-то человека остепениться и обзавестись семьей, то он, возможно, совершит при этом ошибку. И, возможно, будет жалеть об этом до конца своей жизни. И, возможно, это скажется на тех, кто его окружает.

Холодок становится настоящим морозом. Я долго жую то, что у меня во рту, уже сомневаясь, смогу ли я физически это проглотить. Рвотные позывы еще очень слабые, но слишком хорошо мне знакомые. Ли может такое сделать. Может вызвать у меня подобную реакцию колким комментарием, изменением в тоне голоса или просто взглядом. В этом он очень похож на своего отца.

– Никто никого не понуждает, – наконец говорю я. – Но если ты и в самом деле решишь привести ее сюда, я ее встречу с большой радостью.

Мы снова начинаем есть. После нескольких минут молчания я, меняя тему разговора, заговариваю о футбольном клубе «Лидс Юнайтед». О нем всегда можно много говорить.

И разговор этот будет гораздо более безопасным.

Позднее, когда Ли уже ушел, а я загрузила и включила посудомоечную машину, я захожу в свободную комнату. Там немного прохладно: я не включаю в ней батарею отопления, потому что считаю расточительством обогревать комнату, которая не используется.

Я опускаюсь на колени и выдвигаю ящик из двуспальной кровати. Вещи там разложены в соответствии с их размером: самые маленькие (для новорожденного) – внизу, а дальше –

чем выше, тем больше. Все в целлофановых пакетах с этикетками. Я покупаю только новые вещи. Мне нравится идея начать все с нового. Они в основном в нейтральных тонах (белый и лимонный), но есть и милый зеленый тон, от которого я удержаться не смогла. Его в нынешнее время найти не так-то легко – слишком много всего в голубых и розовых тонах. Но я все еще могу быть довольно привередливой при выборе вещей. Для моего первого внука необходимо только самое лучшее. Я не могла заставить себя открыть этот ящик с тех пор, как Ли разорвал отношения с Эммой. Но сейчас замерцала надежда, и я снова могу заглянуть в этот ящик. А может, и снова начать покупать подобные вещи.

Я засовываю руки в его глубину, нащупывая нежную ткань, и вытаскиваю ее, как только нахожу. Мои пальцы немного дрожат, когда я разворачиваю бумагу, чтобы вытащить из нее крестильную одежду. Это единственное, что я оставила из одежды Ли и берегу для своего внука. Я все еще храню в памяти картину, как Ли был облачен в нее и смотрел на меня своими огромными глазами. Он хватался ладошками за кружева и что есть силы тянул их. Не думаю, что можно заметить след от малюсенького пятнышка крови, если только не искать его. Оно сильно потускнело от времени. Да и я могла бы запросто выдать его за след от чего-нибудь другого, если бы его кто-то и заметил. Никто не знает и не узнает, что это след крови. Кроме *него*, конечно. Но он сюда не придет. Ли уже не поддерживает отношений со своим отцом. Это я знаю точно.

Чего я не говорила сыну – так это то, что я вижу его отца каждый раз, когда смотрю на него, Ли, слышу его отца каждый раз, когда он, Ли, что-то говорит, и чувствую запах его отца, когда он, Ли, находится рядом со мной. Сын ведь часто очень похож на своего отца. Но меня от этого озноб пробирает аж до костей.

14 июля 2017 г. Митолройд, Великобритания

В такое трудное время я стараюсь концентрироваться на приятных воспоминаниях. Как, например, день свадьбы Джесс. Мы оба плакали, когда я вел ее по проходу в церкви. Я не думаю, что я когда-либо раньше видел ее настолько красивой. Она сделала меня самым счастливым отцом на свете.

Четверг, 14 января 2016 года

На фотографии, которую я сейчас рассматриваю, запечатлены мы с Ли в день нашей свадьбы. Я знаю, что фотопшоп может творить чудеса, но не такие. Нельзя ведь обрабатывать то, чего еще нет. Это ведь не ретуширование существующего изображения с помощью аэрографа – это создание того, чего вообще-то не происходило. На мне – обтягивающий корсаж с кружевами, длинное платье, оставляющее плечи открытыми, накидка с короткими рукавами и широкий пояс вокруг талии. Волосы собраны в высокую прическу, вдоль лица свисают две длинные пряди – такой стиль я никогда раньше не использовала. На голове у меня – диадема. Диадема, черт возьми! А еще на мне кольцо из жемчуга и непривычный макияж. Я понятия не имею, как сделать свою внешность вот такой, но это, несомненно, я, и рядом со мной на фотографии стоит, несомненно, Ли. Он одет в дорогой по виду костюм и пурпурный галстук, а в остальном он точно такой же, каким я видела его в среду. И он улыбается в объектив фотоаппарата. Улыбается, надо сказать, очень широко. Я тоже улыбаюсь, но, в отличие от Ли, улыбка у меня не лучезарная. Она робкая и неуверенная. Должно быть, я нервничаю. Событие это ведь очень важное. Я не думала, что когда-нибудь выйду замуж. Я не отношу себя к тем, кто стремится связать себя брачными узами. В нынешние времена ведь выходить замуж совсем не обязательно, разве не так? Можно просто жить с каким-нибудь мужчиной вместе. Но, похоже, я выйду замуж за Ли. Я таращусь на фотографическое доказательство этого. Доказательство, которое невозможно опровергнуть. Потому что это не просто наши лица, наложенные на фотографию каких-то там жениха и невесты, – это и мои плечи, и мои руки, и мой палец, на котором я вижу кольцо.

Я делаю вдох, который возвращает меня в настоящее, и вдруг понимаю, что довольно долго сидела, затаив дыхание. Меня охватывает озноб, все тело пробивает дрожь. Я смотрю сейчас на будущее, в котором мы с Ли женимся в какой-то момент времени в ближайшие восемнадцать месяцев. На фотографии нет даты, но ее, похоже, сделали летом: листья на деревьях и кустах зеленые, а на заднем плане видны – хотя и расплывчато – какие-то цветы. Выходит, я недолго пробыла замужем, перед тем как умерла. Ну не смешно ли это? Я ведь, получается, обзавожусь мужем, а потом откидываю коньки.

Какая-то малюсенькая частичка меня – та, что никогда не перестает быть тринадцатилетним подростком, – радуется и ликует по поводу того, что я выйду замуж за такого парня, как Ли. Но мне удастся подавить ее, потому что данное событие не имеет никакого значения: мой отец разместил в «Фейсбуке» эту фотографию, чтобы она напоминала ему обо мне уже после моей смерти. Вот такая вот ситуация.

Хотя нет, это все ерунда, потому что «Фейсбук» утверждает, что публикации из будущего – это нечто невозможное. И сейчас я вижу это потому, что хочу это видеть. Мне, наверное, в глубине души очень хочется, чтобы Ли на мне женился. Что касается всего остального, то нечто похожее в моей жизни уже происходило, разве нет? Я теряю разум. Я становлюсь одержимой человеческими смертями, и если не буду осторожной, то все испорчу.

Я падаю на постель и молча плачу в подушку. Я не вернусь к тому, что тогда со мной было. Когда меня выписывали из больницы, я попыталась заставить папу пообещать мне, что он не позволит мне вернуться туда, но он покачал головой. Он не мог дать такое обещание. Он знал, что если однажды я начала вести себя психически неадекватно, то это может

произойти снова. И это та правда, которая с тех пор висит над нами. Психическое здоровье – это континуум. Я помню, как это объясняли нам обоим, когда меня наконец перестали пичкать лекарствами. Не существует такого понятия, как «лучше», как «исцелилась». Мы находимся в одной точке на некоей линии в любой данный момент времени. А несколько месяцев спустя мы можем оказаться в другой точке – к лучшему или к худшему. В этом вся правда. Безумие всегда таится внутри меня. Вопрос заключается лишь в том, позволю ли я ему в той или иной степени завладеть мною.

Как только во время следующего обеденного перерыва я замечаю Ли, сердце у меня екает. Вот он, мой будущий муж. Впрочем, ему я этого сказать не могу. Если я ему хотя бы слегка намекну, что видела одну из наших свадебных фотографий, он, наверное, шарахнется от меня, как от буйнопомешанной. И я не могу сказать, что стала бы его за это винить.

– Привет, – смущенно говорю я, подходя к столику. – Я опоздала?

– Нет, – говорит он, вставая. – Я всегда прихожу раньше, чем нужно.

Он наклоняется ко мне, и меня на секунду охватывают сомнения, следует ли нам снова ограничиться поцелуем в щеку, как это было при нашей встрече в среду, или мы можем поцеловаться в губы, как при расставании. Ли сам принимает решение. А я, чувствуя на своих губах прикосновение его губ и после поцелуя, пытаюсь заставить себя перестать думать о том, что меня только что поцеловал мой будущий муж.

Я улыбаюсь Ли и сажусь, а потом ерзаю на стуле, укладывая салфетку себе на колени.

– Как дела? – спрашивает Ли.

– Хорошо, – вру я. – Спасибо.

Я бросаю взгляд на стол: на нем стоит бутылка газированной воды и два стакана.

– Это годится? – спрашивает он, заметив направление моего взгляда. – Я подумал, что ты вряд ли захочешь выпить чего-то покрепче перед работой.

– Да, я обычно этого не делаю. Вода вполне подходит, спасибо.

– Жаль, что это не пришло мне в голову раньше, но мы могли бы пойти куда-нибудь, где подают поздний завтрак.

– Нет, обед вполне подойдет, тем более что обычно я вообще почти не завтракаю.

– А я завтракаю, – говорит Ли. – Я съедал бы чашу хлопьев при каждом приеме пищи, если бы у меня имелась такая возможность.

– А каких? Мюсли?

– Нет, не мюсли. «Коко попс» и «Райс криспис». Детская еда, от которой я так и не смог отвыкнуть.

Я улыбаюсь ему и закладываю волосы за ухо.

– Тогда я удивляюсь, что у тебя все еще свои собственные зубы.

– А их у меня уже нет, – отвечает он и делает такое движение, как будто сейчас достанет изо рта вставную челюсть, но затем, видя мое выражение лица, останавливается. – Что, поверила? – улыбается он.

Мои плечи слегка опускаются, а тело расслабляется. Мне нравится наше второе свидание.

Я качаю головой:

– По крайней мере, я – не единственная, кто ест какую-то фигню. Может, съедим на обед по шикарному гамбургеру?

– Конечно, – отвечает он. – У тебя ведь впереди долгий рабочий день. Когда ты

заканчиваешь работу?

– В десять тридцать. Есть и более поздняя смена, которая заканчивается в половине двенадцатого, но, поскольку это означает, что мы с Сейди не успеваем на последний поезд домой, мы с ней чаще других вызываемся работать в эту смену, до десяти тридцати.

– Кто такая Сейди?

– Моя лучшая подруга. Она была со мной на вокзале в понедельник.

Судя по выражению лица Ли, это ему ни о чем не говорит.

– Высокая девушка с короткими темными волосами, одетая в кожаную куртку, – добавляю я.

Он кивает, но я не уверена, что он ее там заметил. Мне немного неудобно за Сейди. Впрочем, ее бы это не расстроило.

– И ты не против того, чтобы работать по вечерам?

– Вообще-то нет. Это ведь означает, что я еду на работу и домой не в час пик.

Я не говорю ему, что до недавнего времени у меня не было каких-либо более интересных занятий по вечерам. А еще мне приходит в голову, что с моими вечерними сменами мне будет не просто приходить на свидания с Ли. Может, именно поэтому я выйду за него замуж? Может, это единственный для меня способ с ним видеться?

– Ну, ты не забывай о том, что я говорил тебе о нашей вакансии секретаря на ресепшен. И зарплата, наверное, будет повыше, чем у тебя сейчас.

– Спасибо, но мне хорошо и там, где я сейчас работаю.

– Сколько времени ты уже там работаешь?

– С тех пор, как окончила колледж.

– А что ты изучала в колледже?

– Искусство и дизайн. Я собиралась поступать в университет по этой специальности.

– А почему ты этого не сделала?

– Я не получила тех оценок, на которые рассчитывала. В то время я работала в кинотеатре по выходным, и когда мне предложили работать там полный рабочий день, я подумала, что это лучшее, что я могу сделать.

– А сейчас?

Я пожимаю плечами:

– Как я уже сказала, меня моя работа устраивает, тем более что я могу на ней смотреть множество фильмов бесплатно.

Официантка подходит и спрашивает, готовы ли мы сделать заказ.

– Говядина или курятина? – спрашивает меня Ли.

– Говядина, пожалуйста.

После смерти мамы я на некоторое время перестала есть красное мясо. И еще много чего перестала делать. Возможно, именно поэтому я сейчас ем его больше, чем ела *до того*, как она умерла. Просто чтобы доказать самой себе, что могу.

– Прекрасно. Тогда нам, пожалуйста, два говяжьих гамбургера, жаренных на углях, – говорит Ли официантке. – И немного картошки фри.

Официантка кивает и улыбается ему. Это такая улыбка, какой и я бы улыбнулась, если бы принимала заказ от такого парня, как Ли: своего рода мечтательный взгляд, который тускнеет от безнадежности по мере того, как она осознает, что у нее нет никаких шансов. Она, несомненно, задается вопросом, что, черт возьми, он делает здесь с такой девушкой, как я. Вероятно, она думает, что я его младшая сестра или что-то в этом роде. А я слышу, как

кричу где-то внутри себя: «Вообще-то я не только хожу с ним по ресторанам – я собираюсь выйти за него замуж!»

Впрочем, я умею сдерживаться. Я очень хорошо помню, каким становится выражение глаз людей, когда ты начинаешь что-то иступленно кричать.

– Ну, и какие фильмы показывают у вас в этот уик-энд? – спрашивает Ли.

– «Девушка из Дании». Это тот фильм, в котором Эдди Редмэйн^[16] меняет свой пол.

– Думаю, я бы лучше выколол себе глаза.

– Еще у нас показывают парочку фильмов с участием Алана Рикмана – чтобы почтить его память. «Гарри Поттер и Принц-полукровка» и «Искренне, безумно, сильно».

– Этот фильм я не смотрел, – говорит Ли.

– В нем играет Джульет Стивенсон^[17]. Она играет его жену. Фильм в основном о том, как ей живется после того, как он умер. Он, правда, как бы возвращается и, так сказать, присматривает за ней, пока у него не появляется уверенность, что у нее все будет хорошо.

Я замолкаю, потому что чувствую, что мой голос вот-вот дрогнет. Не знаю, как мне справиться с этим наваждением. Это все равно как если бы я являлась к себе самой из могилы еще до того, как умерла. Я все испорчу, если не буду вести себя осторожно. А может, именно в этом-то и проблема: я настолько боюсь быть счастливой, что выдумываю всякую ерунду, тем самым запутывая себе самой жизнь.

– Не очень веселый, похоже, фильм, – говорит Ли. – Думаю, я не стану его смотреть, если ты не возражаешь.

Я киваю и улыбаюсь. Улыбаюсь слабой улыбкой. Потому что теперь я убеждена, что двигаюсь к своей собственной гибели. Мне необходимо все это остановить. У меня ведь впервые за долгое время появился реальный шанс установить серьезные отношения с женщиной, но чтобы это произошло, нужно, чтобы Ли в меня влюбился. И я прекрасно понимаю, что плаксивые женщины, одержимые мыслями о смерти, уж точно не считаются лучшей партией.

Нам приносят наши гамбургеры и картошку фри.

– Итак, – говорю я, беря с тарелки пальцами ломтики картошки, – где, по-твоему, можно пойти и купить самые лучшие чипсы в Лидсе? Начинать предлагать варианты.

28 июля 2017 г

Тебя похоронят на следующей неделе, и я не могу этого вынести. Я оказалась для тебя никудышной подругой – я это знаю. Я сомневалась в тебе, когда мне не следовало этого делать, и не была рядом с тобой, когда мое присутствие имело значение. Я всегда буду об этом жалеть. Но я хочу, чтобы ты знала: теперь я буду для тебя такой подругой, которая тебе нужна. И я не успокоюсь до тех пор, пока ты не сможешь и в самом деле упокоиться с миром.

Пятница, 29 января 2016 года

Сейди запомнила то, что я ей сказала. Через восемнадцать месяцев от настоящего момента она будет горевать о том, что призывала меня игнорировать все эти странные публикации в «Фейсбуке». Мне хотелось бы, чтобы она не винила себя: это заставляет меня сильно жалеть о том, что я ей обо всем этом рассказала. Я не должна больше ей об этом говорить, как бы тяжело мне ни становилось. Потому что если я это сделаю, она будет лишь еще больше винить себя после того, как я...

Я вовремя обрываю саму себя и кладу телефон обратно в карман куртки. Это все не может быть правдой. Это все – только в моей голове. Этих публикаций нет, раз их не может видеть никто, кроме меня. Я смотрю в зеркало платяного шкафа. Я – Джесс Маунт, и я не собираюсь умирать. А еще я не собираюсь снова впадать в безумие. Я не собираюсь позволять ему завладеть мною. В этот раз я могу потерять слишком много.

Две с половиной недели спустя мы с Ли все еще в очень хороших отношениях, что для меня довольно непривычно. К этому времени мой детектор козлов уже обычно срабатывал. Но Ли не говорил и не делал ничего такого, что заставило бы меня счесть его козлом. Более того, мое мнение о нем с каждым днем улучшается. Он, похоже, по какой-то причине чувствует то же самое по отношению ко мне. Я виделась с ним еще всего лишь три раза, но только потому, что работала в вечернюю смену, а не потому, что не хотела с ним встречаться. По правде говоря, эти мои поздние смены начинают меня сильно раздражать: уж очень трудно найти вечер или уик-энд, в который бы я не работала. Мне даже кажется, что мы с Ли существуем в разных часовых поясах, – глупость, конечно, потому что мы живем в одном городе. Ли ничего по этому поводу не говорил, но я уверена, что это начинает раздражать и его. Он отпускает шуточки по поводу того, что обеденные перерывы стали для нас своего рода вечерами, но у меня складывается впечатление, что на самом деле он вовсе не считает это забавным. Мне нужно что-то по этому поводу предпринять, но я не знаю что.

Когда я прихожу на платформу, Сейди уже там. Я подхожу к ней, обхватываю ее руками и крепко обнимаю.

– Что это с тобой? – удивляется она.

– Я что, не могу обнять свою лучшую подругу?

– С тобой что-то случилось?

– Что ты имеешь в виду?

– Не знаю. Но либо что-то случилось, либо ты собираешься извиняться. Ты ведь придешь завтра вечером, правда?

Завтра – восемнадцатилетие Мэдди, младшей сестры Сейди. Она хотя и младшая, но ростом уже выше Сейди. Мне даже не верится, что она когда-то была совсем маленькой и что мы с Сейди оставались присматривать за ней, когда родители куда-нибудь уходили раз в две недели. Они настояли на том, что будут мне за это платить, хотя я всего лишь составляла Сейди компанию.

– Да, – отвечаю я. – Жду с нетерпением, когда же я побуду одним из старых пердунов, которые мешают детям веселиться на дне рождения. Мы, наверное, начнем жаловаться на то, что музыка слишком громкая.

– И ты пробудешь на дне рождения до самого конца?

– Да. А почему бы я не стала этого делать?

– Не знаю. Я просто подумала, что ты, возможно, улизнешь раньше, чтобы встретиться со своим ухажером.

Я опускаю взгляд. Вообще-то именно это я и собиралась сделать. Завтра ведь у меня первый свободный субботний вечер в этом месяце, и я, получается, проведу его со своей лучшей подругой, а не с Ли. Он расстроился, когда я сказала ему об этом. Впрочем, я объяснила, что насчет празднования дня рождения все было договорено уже давным-давно. И что я знаю Мэдди еще с того времени, когда она была младенцем. И что она для меня вроде моей родной сестры.

– Ли не возражает.

– Ты можешь взять его с собой, если хочешь. Ему еще не слишком поздно решить туда пойти.

Я чувствую, как мои щеки краснеют. Вообще-то я ему этого не предлагала. Это ведь мероприятие – отмечание восемнадцатилетия в стиле дискотеки в арендуемом для этой цели церковном помещении в Митолройде. Не очень-то привлекательное мероприятие для того, кто работает заместителем директора в навороченной компании. И из всех приглашенных он знаком только со мной. Кроме того, папа сказал, что он заглянет на этот день рождения по пути с работы домой. Поэтому мне тогда придется знакомить папу с Ли, и это станет волнующим моментом, и папа, наверное, скажет что-нибудь глупое, и все это сведется к дурацкой ситуации, когда знакомые тебе люди, которые никогда раньше друг с другом не встречались, вдруг оказались в одном месте.

Нет, я хочу, чтобы при первой встрече Ли с папой посторонних не было. И произойти это должно, конечно же, не на праздновании восемнадцатилетия в каком-то церковном помещении.

– Нет, я не буду его брать с собой. Он, наверное, пойдет куда-то в Лидсе со своими друзьями.

Сейди кивает. Я знаю, что ей из любопытства хочется пообщаться с ним поближе, но думаю, она рада, что на этот день рождения он не придет. Я помню, каково было мне, когда она встречалась с Робби. Я всегда чувствовала себя неловко, оказываясь в компании с ними двумя.

К платформе подъезжает наш поезд. Мы заходим в него, и Сейди, как обычно, позволяет мне выбрать места. Она, возможно, станет подшучивать надо мной, когда поезд будет резко набирать скорость или когда он накренится и завибрирует на крутом повороте. От старых привычек избавиться трудно.

Я показываю места в кинозале зрителям, пришедшим смотреть мультфильм «Кунг-фу панда-3», когда вдруг у меня в кармане начинает вибрировать телефон. Я смотрю на дисплей и вижу, что это звонит Ли, но я не должна отвечать на звонок, пока не усажу зрителей на их места. На детей всегда уходит много времени – они нагружены картонными коробками с попкорном, стаканчиками с газированными напитками и пакетиками со сладостями. Я готова поклясться, что некоторые из них, находясь здесь, в кинотеатре, поглощают столько килограммов всякого разного, сколько весят сами.

Наконец, когда мультфильм уже начинается, я выскакиваю из кинозала, быстро иду по коридору и заглядываю в комнату для персонала. В ней никого нет.

Я захожу и звоню Ли. Он тут же отвечает.

– Привет, – говорю я. – Извини, что не могла сразу ответить на твой звонок.

– Ничего страшного. Послушай, я понимаю, что это как бы в самую последнюю минуту и у тебя на завтра уже есть планы, но у нас Карл заболел, а они с женой должны были пойти завтра вечером на торжественный ужин, во время которого будут вручаться премии. Мы претендуем на премию как самая лучшая креативная компания, и нам выделили два места за столом лорд-мэра^[18]. Не могла бы ты пойти туда со мной?

Пару секунд я ошеломленно молчу. Я не могу поверить, что он предложил это мне, и в то же самое время я вполне могу представить себе, каким станет выражение лица Сейди, если я скажу ей, что не приду на день рождения ее сестры.

– Хм, даже не знаю, – наконец говорю я. – Я имею в виду, что это очень мило с твоей стороны – меня туда пригласить, но я не хочу подводить сестру Сейди.

– Я знаю, я понимаю это, и я не стал бы просить тебя об этом, если бы это не было так важно.

– А что, у вас в компании больше некому пойти?

– К сожалению, нет. Эми – на конференции рекламных организаций в Лондоне, Майк занят помолвкой своей дочери, а Скотт завтра улетает в США в командировку. Мы действительно попали в затруднительное положение.

Я снова колеблюсь, размышляя, не сумею ли я каким-то образом побывать и там, и там.

– А во сколько это закончится?

– Не знаю. Может, в половине десятого или в десять. Начинается в семь.

– Ну, тогда я, наверное, успею после этого попасть на день рождения сестры Сейди – хотя бы на час или около того. Так годится?

На другом конце линии воцаряется тишина. Я могу поспорить и с Сейди, и с Ли, если не буду достаточно осторожной.

– Да, если такой вариант тебе подходит, то это замечательно. Мне необходимо быть там, но я должен прийти не один, и мне бы очень хотелось, чтобы со мной была ты.

Я чувствую, как к глазам подступают слезы радости. Я знаю, что должна быстро принять окончательное решение, пока не расплакалась или не разозлила Ли.

– Спасибо. Я с удовольствием пойду с тобой.

– Джесс, ты – прелесть, и я просто обязан устроить тебе классное времяпрепровождение.

– Прекрасно, – говорю я. – Мне ведь там удастся бесплатно поесть?

– И еда там будет очень вкусной. Мероприятие пройдет в отеле «Квинс». Очень крутой отель.

И тут меня охватывает ужас от внезапного осознания того, что мне абсолютно не в чем пойти в такое место, как отель «Квинс».

– А какой там дресс-код?

– Вечернее платье.

– О-о, я не уверена, что у меня есть что-нибудь в этом роде, и я не могу сейчас себе позволить...

– Это не проблема, – говорит Ли. – Я куплю тебе что-нибудь сегодня вечером по дороге домой.

– Нет-нет, я вовсе не просила тебя это делать.

– Я настаиваю. Я оформлю это как расходы нашей компании. Думаю, это самое

меньшее, что мы в данных обстоятельствах можем сделать. Ты ведь как бы чем-то жертвуешь ради того, чтобы помочь нашей компании, и поэтому, я считаю, будет правильно, если мы возьмем расходы на себя.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Тут не может быть никаких возражений. Мне искать какой размер – восемь или десять?

– Десять.

– Хорошо. Я, возможно, пришлю тебе фотографии имеющихся вариантов, и ты выскажешь мне свое мнение.

– Спасибо.

– Нет, спасибо тебе, Джесс. Я очень рад, что ты согласилась. Ну ладно, поговорим еще чуть позже.

Я кладу телефон в карман. Та часть меня, которая рада возможности поучаствовать в подобном мероприятии, сейчас отчаянно дерется с той моей частью, которая чувствует себя последней свиньей из-за того, что придется так нехорошо поступить по отношению к Сейди и ее сестре.

В комнату для персонала заходит Адриан.

– Привет, конфетка, – говорит он. – У тебя все нормально?

– Да, все хорошо, спасибо.

– Однако ты выглядишь как человек, который пытается настроить себя на то, чтобы посмотреть «Кунг-фу панда-3» от начала до конца уже в четвертый раз.

Я улыбаюсь ему.

– Какой самый вежливый способ сказать кому-то, что ты не выполнишь своего обещания по отношению к нему, Ади?

– Это мужчина или женщина?

– Женщина.

– Скажи ей, что ты знаешь, что она поймет, потому что она очень хорошая подруга.

– Хорошо, – говорю я.

– Потом расскажешь мне, сработало это или нет.

Я киваю и направляюсь к выходу. Адриан окликает меня, и я поворачиваюсь к нему.

– Но имей в виду, что поступить так можно только один раз. Более одного раза – это будет уже слишком.

Я жду, пока не закончится «Кунг-фу панда-3» и пока мы с Сейди не начнем наводить порядок в кинозале номер два. Я все еще не могу привыкнуть и понять, каким образом люди умудряются устроить такой жуткий бардак за какие-то там девяносто минут. Они ведь вроде бы должны все время смотреть на экран.

Держа в руках большой пакет для мусора, я иду между креслами позади Сейди. Я пытаюсь говорить непринужденным голосом, хотя осознаю, что у меня это не получается.

– Я знаю, что обещала быть завтра на дне рождения с самого начала, но недавно мне позвонил Ли, у них там что-то вроде чрезвычайной ситуации.

Сейди смотрит на меня, держа в руке картонную коробку с недоеденным попкорном.

– И что?

– Ему завтра вечером необходимо пойти на торжественный ужин, во время которого будут вручать премии. Его директор, который должен был туда пойти, заболел. Ли сказал, что ему очень неудобно просить меня об этом, но кроме него туда пойти некому.

– А почему туда нужно пойти и тебе?

– Его компании выделили два места за столом лорд-мэра. Это очень важное событие. Я не смогла сказать ему «нет», и я знала, что ты меня поймешь.

Мои слова тяжело повисли в воздухе между нами. Мне на какой-то миг показалось, что метод Адриана не так уж и хорош: он может восприниматься как скрытая угроза.

– Но ты все равно придешь на день рождения, да?

– Да, но позже. Это мероприятие должно закончиться часов в десять. И я сразу же бегом на поезд.

Сейди смотрит на меня с сомнением, а затем говорит:

– Хорошо.

– Я извиняюсь за то, что так получилось, Сейди. И извинись за меня перед Мэдди.

Она кивает и начинает как-то чересчур энергично запихивать пустые стаканчики в пакет для мусора. Уж лучше бы она меня обругала, чем вот так вот угрюмо согласилась.

У меня в кармане раздается звуковой сигнал. Я достаю телефон и смотрю на две фотографии, которые прислал Ли: на одной из них черное кружевное платье с длинными рукавами, а на другой – платье, оставляющее плечи открытыми. На втором платье я вижу бирку «Джигсо». Я никогда не носила вещи этой торговой марки, потому что считала их слишком дорогими. Я показываю Сейди дисплей телефона.

– Какое, по-твоему, лучше подойдет? Ли собирается купить мне нечто роскошное.

Сейди смотрит на меня, нахмурившись:

– Это еще, черт возьми, что такое? Он что, кто-то вроде Ричарда Гира в фильме «Красотка»?

– Это строгое вечернее платье. Я сказала ему, что мне на это мероприятие нечего надеть.

– То есть он покупает его для тебя?

– Не он. Компания, в которой он работает. Он сказал, что это будет за счет компании.

Сейди вскидывает брови и поднимает с пола какой-то мусор, который зрители оставили под сиденьями.

– Так все-таки какое из этих платьев? – спрашиваю я.

– Не знаю. Вообще-то не имеет большого значения то, что я думаю, разве нет? Почему бы тебе не спросить у него самого?

Я пишу Ли, что они мне нравятся оба и что он может выбрать сам. Сейди направляется к выходу из зала, чтобы принести пылесос «Генри», и в этот момент в зал заходит Адриан. Он смотрит сначала на лицо Сейди, а затем – на мое.

– Я что, напортачил? – спрашивает он.

– Нет, – отвечаю я. – Думаю, что сделала это исключительно я сама.

Когда я подхожу к дому, к нему подъезжает на автомобиле папа.

– Привет, милая, – говорит он, хлопывая дверцу и засовывая руку в карман, чтобы достать ключи. – Как работалось сегодня вечером?

– Нормально. А ты выглядишь усталым.

– Тяжелый был вечер. У нас было большое мероприятие. Но это мне все равно нравится больше, чем когда тихо.

Я киваю, и мы оба заходим на кухню. Там довольно холодно: папа не любит оставлять отопление включенным, когда мы оба уходим на работу.

– Я приготовлю какао, не возражаешь? – спрашивает он.

– Спасибо. Это было бы здорово.

Я даю ему возможность начать подогреть молоко, прежде чем продолжить говорить, – ну, чтобы он в этот момент был чем-то занят.

– У меня меняются планы на завтрашний вечер. Я пойду с Ли на торжественный ужин в Лидсе, во время которого будут вручаться премии, а потом отправлюсь на празднование дня рождения Мэдди.

– Ого! Это почему?

– Директор, который должен был пойти на этот ужин, заболел. Им выделили два места за столом лорд-мэра. Ли подумал, что было бы нехорошо, если бы от них никто не пришел. Это мероприятие будет проходить в отеле «Квинс».

Папа аж присвистывает, наливая молоко в кружки и быстро его размешивая.

– Ого, очень круто! А когда это мероприятие заканчивается?

– Ли полагает, что около десяти. Я сразу же сяду на поезд.

– Значит, когда ты приедешь, празднование дня рождения уже почти закончится?

– Да. Я знаю. Но это самое лучшее, что я могу сделать.

– А как насчет Мэдди?

– Все будет в порядке. Она в любом случае будет праздновать со своими приятелями по колледжу. Она и не заметит.

Папа, ставя кружки на стол, поднимает брови:

– Но подводить своих друзей – это вообще-то нехорошо.

– Мне не хотелось подводить и Ли.

– Вы знакомы друг с другом всего ничего.

– Да, и наше знакомство продлится недолго, если я не буду с ним встречаться.

– Ты только постарайся сделать так, чтобы не растерять своих друзей, хорошо?

– Что ты имеешь в виду?

– Они – те, на кого ты можешь рассчитывать, Джесс. Причем еще очень долго после того, как ухажеры исчезнут.

– А этот ухажер вообще-то не исчезнет.

– Тем не менее ты нуждаешься в друзьях, Джесс. Независимо от того, исчезнет твой ухажер или нет. И если он к тебе и в самом деле равнодушен, он это поймет.

– Спасибо за такие ободряющие слова. Не забудь поставить меня в известность, когда на радио начнет выходить в эфир твоя телепрограмма о пропавших ухажерах.

Папа выдавливая из себя улыбку:

– Я всего лишь стараюсь о тебе заботиться. Это моя работа.

– Я знаю, знаю. Но тебе нужно понимать, что я уже достаточно взрослая для того, чтобы позаботиться о себе самостоятельно.

Папа, ничего не говоря, заканчивает помешивать какао и кладет ложку на блюдце, которое он поставил между нами на стол.

– Получается, что тебе, чтобы поучаствовать завтра в этом крутом мероприятии, нужно взять какую-то шикарную одежду напрокат?

– Нет. Ли покупает мне платье. За счет компании. Он говорит, что это самое меньшее, что они могут сделать.

Папа медленно кивает:

– Ты ведь знаешь, что я всегда куплю тебе все, что тебе нужно, Джесс.

– Спасибо. Но Ли настоял на том, чтобы я согласилась на эту его покупку. Но и ты мне

можешь кое в чем помочь. У меня нет обуви, которую я могла бы надеть на подобное мероприятие. Ты не возражаешь, если я надену лучшие мамины туфли? Я буду обращаться с ними очень осторожно.

Папа подносит кружку к своим губам, и я вижу, что его рука при этом дрожит.

Мне становится не по себе из-за того, что я его об этом попросила.

– Ладно, не надо, – продолжаю я. – Я могу купить себе какие-нибудь туфли завтра во время обеденного перерыва. Я спросила, не подумав.

– Нет, я вообще-то не возражаю. Бери их. Она тоже была бы согласна. Мы ведь не можем вынуждать тебя появляться перед лорд-мэром в ботинках «ДМ», правда?

Я улыбаюсь и целую его в щеку, а затем беру свою кружку.

– Спасибо. Я пойду наверх и возьму их прямо сейчас, хорошо? Просто чтобы проверить, подойдут ли они мне.

Он кивает. Я иду на второй этаж, стараясь не накапать какао на ковер. Прежде чем зайти в папину комнату, я ставлю кружку на пол на лестничной площадке. Я знаю точно, где находятся эти туфли. Тем не менее меня охватывают странные чувства, когда я открываю платяной шкаф, опускаюсь на колени и засовываю руку вглубь шкафа. Папа отнес большинство маминых вещей в магазин, торгующий подержанными вещами и отдающий выручку на благотворительные цели, но с некоторыми вещами он не смог заставить себя расстаться. Эти вещи казались такой неотъемлемой частью мамы, что было невозможно смотреть на них, не видя в них ее. Одежда – вся в полиэтиленовых пакетах с одной стороны платяного шкафа. Обувь и аксессуары – в большой коробке внизу шкафа.

Я поддвигаю коробку к себе и снимаю с нее крышку. Это для меня – все равно что открыть огромную коробку с памятными вещами. Я прикасаюсь к зеленому шарфу, вспоминая, каким мягким он мне казался, когда я в детстве прикасалась к нему лицом. Разноцветная шерстяная шляпа пахнет Ночью Гая Фокса^[19] и холодными зимними прогулками.

Я беру пурпурные четки и перебираю их так, как это делала мама, даже не замечавшая, что она это делает. Я кладу их обратно и продолжаю ковыряться в коробке. На ее дне лежат черные фирменные туфли на шпильках. Она носила их не очень часто: обычно она ходила в гораздо более удобной обуви без каблуков. Однако в тех редких случаях, когда нужно было выглядеть импозантной, она надевала именно их. Я помню, как смотрела на ее отражение в длинном зеркале в спальне, когда она стояла вон там и поправляла вырез декольте своего пурпурного вельветового платья, которое и сейчас висит в шкафу. Я сказала ей, что она красивая. Она улыбнулась мне и сказала, что умеет наводить красоту, когда у нее есть на это время. Впрочем, она в самом деле была красивой. Папа тоже это говорил. Но она относилась к тем женщинам, которые не очень-то верят подобным словам.

Я накрываю коробку крышкой, ставлю ее в шкаф и отношу туфли в свою комнату. Затем я иду на лестничную площадку и беру там свое какао. Когда я возвращаюсь к себе в комнату, я готова поклясться, что вижу, как мама стоит там в туфлях и разглядывает свое отражение в зеркале.

29 июля 2017 г

Твои похороны в понедельник будут самым тяжелым днем моей жизни – даже более тяжелым, чем тот день, когда мы хоронили твою маму. Я утратил двух людей, которых любил больше всего на свете. Единственное, что заставляет меня жить дальше, – вот этот человечек. Не могу поверить, что эта фотография была сделана лишь три недели назад. Ты была – и останешься – самой лучшей мамой в мире Гаррисона. Тем, кого это интересует, сообщаю, что с ним все в порядке и что о нем заботится Ли, которому помогает Анджела. Но сегодня он придет повидаться с дедушкой. И я поцелую и обниму его за тебя, Джесс. И я позабочусь о том, чтобы твой драгоценный мальчик никогда тебя не забывал. X

Суббота, 30 января 2016 года

Я рассматриваю на экране фотографию младенца. У него большие голубые глаза, слегка приподнятые – как будто от удивления – брови (хотя и не так высоко, как сейчас мои), маленький носик-кнопочка и красивейшие ямочки. На голове – прядки темных волос. Он более чем восхитительный. А еще он очень похож на Ли. Это поразительно. Он – Гаррисон. Предположительно, тот самый «Г», о котором все упоминали. Он – мой ребенок. А рядом с ним на фотографии – мое лицо. Да, мое. Лицо его мамочки. Я выгляжу как-то совсем по-другому. У меня явно уставший вид, на лице почти нет косметики, но взгляд, которым я смотрю на своего малыша... Это будто вовсе не мое лицо. В его выражении чувствуется переживание за что-то такое взрослое и серьезное, с чем я не сталкивалась и чего не понимаю. Самое похожее из всего, что я когда-либо видела, – это взгляд, которым на меня смотрела мама и которым все еще иногда смотрит папа. Это взгляд, преисполненный любовью и желанием защищать, надеждой и страхом, радостным волнением и тревогой.

Я это себе сейчас не воображаю. Такое не может вообразить даже моя голова. Это – реальность. Эта фотография – настоящая, и изображенный на ней ребенок – настоящий. Его пухленькие пальчики тянут мои волосы. Я почти чувствую их прикосновение. А еще я почти чувствую запах этого ребенка. Его в данный момент, возможно, не существует, но это не означает, что он ненастоящий. В том виде, в каком изображена на фотографии, я в данный момент тоже не существую, но я буду такой через восемнадцать месяцев.

Одной лишь мысли об этом вполне достаточно для того, чтобы заставить меня тяжело опуститься на кровать. Мне предстоит столкнуться со всем, что так или иначе связано с материнством, а я даже не чувствую себя в полной мере взрослой. Сумею ли я справиться с младенцем? Мне, правда, не долго придется с ним справляться. Я снова смотрю на фотографию. Я не специалист по младенцам, но, думаю, ему всего несколько месяцев, а это означает, что я умру довольно скоро после его рождения. Возможно, в результате послеродовой депрессии. Мама говорила, что у нее такая депрессия была. Может, она передалась мне генетически? Хотя по этой фотографии не скажешь, что у меня депрессия. Я всего лишь выгляжу измотанной.

Я вытираю наворачивающиеся на глаза слезы. Это уж слишком. Огромная часть меня хочет по-прежнему верить, что все это – лишь порождение моего чрезмерно богатого воображения. Однако правда – вот она, у меня перед глазами. Я снова смотрю на фотографию, на которой запечатлены мы с Гаррисоном. Может, я психически и неустойчивая, но я узнаю своего ребенка, когда увижу его.

Я к этому не готова. Ни к чему подобному. Получается, что за восемнадцать месяцев я выйду замуж, рожу ребенка и умру. Вся моя жизнь будто поставлена на быструю перемотку вперед. Как я с этим справлюсь? Я, девушка, которая не может подняться с постели до десяти часов утра и которая ест на завтрак маффины с голубикой. Девушка, которая пожертвовала шансом сделать какую-либо карьеру ради работы в кинотеатре, потому что это прикольно и потому что там можно смотреть фильмы бесплатно. Девушка, у которой после смерти мамы поехала крыша и которую все еще опекает ее отец. Возможно, я умру, не выдержав груза ответственности. Это – не моя жизнь. Это – не тот человек, которым я должна была бы быть.

Я ложусь на спину и всхлипываю. Я хочу, чтобы все это прекратилось. Хочу, чтобы все вернулось в норму. Хочу думать о том, когда Ли трахнет меня в первый раз, поедем ли мы летом в отпуск вместе и будем ли мы все еще встречаться на Рождество. Вот о чем думают нормальные девушки моего возраста. Я никого не просила разложить передо мной мою жизнь, как географическую карту. Я не хочу знать ответы заранее – я хочу узнавать их с течением времени. Как это делают все другие люди. Я хочу прекратить вращение на карусели. Моя голова кружится, и я хочу сойти с этой карусели. Но не знаю, как это сделать.

Я опять смотрю на своего сына-младенца. Уже эти слова кажутся мне какими-то странными и неправильными. Я вообще не собиралась когда-либо обзаводиться детьми. Это всегда казалось мне чересчур ответственным. Я всегда везде все забываю. Женщина в отделе потерянных вещей на вокзале Лидса знает меня по имени. Я, чего доброго, когда-нибудь забуду своего младенца в поезде. Вот такой никудышной мамой я буду. Мне вспоминается моя мама, вспоминается все то, что она делала для меня. Как, черт побери, я смогу быть не хуже ее?

Снова и снова я прокручиваю все это в своей голове вместо того, чтобы думать о встрече с Ли сегодня вечером. Как я смогу смотреть ему в глаза, если я уже видела нашего будущего ребенка? Как я смогу ему об этом не рассказать? Это ведь неправильно. Тут вообще все неправильно, и мне нужно придумать, каким образом строить наши отношения, если при этом я буду смотреть в «Фейсбуке», как растет наш будущий сын.

Я подношу телефон с фотографией на дисплее к своей груди. Я понимаю, что это нелепо, но мне хочется, чтобы мой сын был сейчас поближе ко мне. Я знаю, что должна перестать смотреть на него, но уже слишком поздно. У меня есть ребенок. И на мне лежит ответственность за то, чтобы у него все было хорошо.

Пожалуй, я могу попытаться выяснить, каким образом умру. А может, я даже смогу это предотвратить. Возможно, как в фильме «Назад в будущее», я смогу как-то изменять обстоятельства и влиять на свою собственную судьбу, если только мне удастся оказываться в нужном месте в нужное время, как в тот момент в фильме, когда ударяет молния. Может быть, именно поэтому и были размещены эти публикации? Может быть, кто-то из будущего пытается спасти мою жизнь?..

Я качаю головой при мысли о том, что кто-то там, в будущем, стал бы из-за этого переживать, и бросаю взгляд на мамины туфли, стоящие на полу возле платяного шкафа. Она бы знала, что следует делать. Я всегда могла поговорить с ней о чем угодно. Она разобралась бы во всем и придумала бы, как от этого избавиться. Я очень сильно скучаю по ней сегодня. Сильнее, чем когда-либо.

Весь день у меня проходит как в каком-то тумане: я то переживаю за свое будущее, то с нетерпением жду наступления сегодняшнего вечера и думаю о нем. Сейди взяла выходной, чтобы помочь подготовиться к вечеринке, и я рада возникшей передышке: если бы она была сейчас на работе и стала бы меня расспрашивать, я, конечно, не выдержала бы и проболталась.

Когда я иду после работы к вокзалу, у меня такое ощущение, будто я иду на встречу со своим будущим. Стоит ли говорить об охватившем меня нервном напряжении?! Мне, можно сказать, еще повезло, что мне нравится этот парень, не знаю, что бы я делала, если бы он мне не нравился. А что бы произошло, если бы я разорвала отношения с ним? Нет, я не хочу этого делать. Мне просто интересно, могу ли я их разорвать. А если все предрешиено, то

каким образом мне строить эти отношения? Могу ли я расслабиться и просто думать о своей свадьбе?

Мы договорились с Ли встретиться возле вокзала. Когда я уже подхожу к месту встречи, я говорю себе выкинуть все это из головы. Однако легко сказать, да трудно сделать. Как только я вижу Ли, единственное, о чем я могу думать, – так это о том, как я оставлю его – в прямом смысле – с младенцем на руках, когда меня не станет. Стал бы он со мной общаться, если бы узнал, что такое произойдет? Возможно, с моей стороны было бы гуманнее пройти сейчас мимо, избавив его от всего этого.

Ли улыбается и машет мне рукой. Я иду по направлению к нему, мысленно повторяя себе, что мне следует вести себя как ни в чем не бывало. И что я не могу позволить себе все это испортить.

– Привет, – говорит Ли, целуя меня в губы. – Готова пойти на бал?

– А разве это бал?

– Нет, я просто шучу.

От меня не ускользает, однако, что он как бы сравнил меня с Золушкой. Я стою здесь в лосинах и ботинках «ДМ», и мне вроде бы предстоит трансформироваться так, чтобы не стыдно было бы пойти и на бал. Впрочем, следует заметить, что Ли не очень-то похож на крестную-волшебницу из сказки про Золушку.

– Это хорошо, – говорю я, – потому что я не умею танцевать бальные танцы. Но я вполне готова набивать себе живот на халяву, а также свистеть и улюлюкать, когда ты пойдешь получать свою премию.

Ли смеется:

– Ты в самом деле собираешься свистеть?

– Ну да. В подобных случаях разве так не делают?

– Нет. В подобных случаях вежливо хлопают и пытаются не выказывать свою досаду из-за того, что премию вручают не им.

– Ты имеешь в виду, как при вручении премии «Оскар»? Они собираются фотографировать и снимать на видеокамеру всех номинантов?

– Надеюсь, что нет. Кроме того, вполне может так получиться, что премию вручат не нам, а кому-нибудь другому.

– Нет, вручат именно вам. Вас не стали бы сажать за стол лорд-мэра, если бы не собирались давать вам премию. Разве лорд-мэр захотел бы сидеть в окружении лузеров?

– Будем надеяться, что не захотел бы. Ну да ладно, давай займемся твоим нарядом. Нам сейчас нужно пойти ко мне домой.

Он берет меня за руку, и мы движемся в обход здания вокзала.

– Жаль, что ты не можешь просто перепрыгнуть через перила на платформу семнадцать и три четверти.

– Вообще-то это платформа 17-би.

– Это то же самое для фанатов Гарри Поттера.

– О господи, у тебя, надеюсь, нет одного из ожерелий «Дары смерти»?

– Есть. И соответствующая татуировка.

– Где?

– Стесняюсь сказать.

– Мне тогда придется самому это выяснить. Только не показывай ее лорд-мэру до того, как покажешь мне.

– Хорошо, договорились.

– А я возьму себе на заметку никогда не брать тебя с собой на вечеринку-маскарад, раз уж, как я теперь подозреваю, у тебя имеется костюм профессора Минервы Макгонагалл.

– Вообще-то костюм Беллатрисы Лестрейндж. У отрицательных героев обычно самые лучшие наряды. А для себя ты какой бы выбрал маскарадный костюм?

– Хан Соло из «Звездных войн».

– Это тот, у которого был световой меч?

– Нет, то был Люк Скайуокер. Хан Соло – постарше. Его играл Гаррисон Форд.

Я внимательно смотрю на Ли. Ему нравится Гаррисон Форд. Ребенка, который вроде бы должен появиться у нас с ним в будущем, зовут Гаррисон. Может, это просто совпадение. А может, и нет.

– Ты, что ли, его почитатель?

– Да. Мне очень нравились фильмы из серии «Звездные войны», а еще все фильмы про Индиану Джонса. Он классный, по-настоящему классный. Пусть даже и немного переигрывает.

– А ты назвал бы своего ребенка в его честь?

Ли оборачивается и, нахмурившись, смотрит на меня.

– Что ты имеешь в виду?

– Если бы у тебя когда-нибудь родился сын, ты назвал бы его Гаррисоном?

– Не знаю. Думаю, это имя в любом случае лучше, чем Оби-Ван Кеноби^[20].

Я киваю и улыбаюсь. Именно это в действительности и произойдет. У нас будет сынишка, которого будут звать Гаррисон. Ли, возможно, напомнит мне об этом разговоре, когда мы будем обсуждать с ним, как назвать нашего ребенка.

Наверное, мне сейчас следует что-то сказать. Что-то такое, о чем я смогу напомнить ему когда-нибудь в будущем.

– А я думаю, что выбрала бы имя Северус, – говорю я.

– Ну, тогда до свидания и желаю тебе удачи.

Я смеюсь, но это не смешно. Совсем не смешно. Мы ведь разговариваем не о чем-нибудь, а о нашей жизни. Просто Ли об этом еще не знает. А я только сейчас всерьез задумалась о том, что все это вообще-то может оказаться правдой.

Мы поворачиваем направо. Ультрамодные магазины сменяются зачуханными строениями под старыми железнодорожными арками, а те, в свою очередь, уступают место новым многоквартирным домам, теснящимся вдоль канала. Они все – одинакового размера и одинаковой конструкции, с маленькими стеклянными балконами.

– Ну вот мы и пришли, – говорит Ли.

– Какой этаж?

– Верхний.

Я молча киваю.

– Не переживай, там есть лифт, и тебе будет приятно узнать, что он обычно работает и в нем не воняет.

Я думаю совсем не об этом. Глядя вверх, на балконы верхнего этажа, я вообще-то задаюсь вопросом, не свалюсь ли я с него. Люди падают с балконов только в фильмах или и в реальной жизни тоже? Меня охватывает озноб, когда мне вдруг приходит в голову, что я, возможно, смотрю на место своей смерти. Может, я, напившись допьяна, свалюсь через перила балкона? Упаду я на дорожку вдоль канала или в канал? В обоих случаях сцена будет

не очень-то красивой. Впрочем, я вряд ли стану напиваться, когда у меня будет трехмесячный младенец. И мы, наверное, не станем жить в такой квартире, если у нас будет маленький ребенок. Возможно, к тому времени, когда это произойдет, мы уже переедем в другое место.

Я замечаю, что Ли смотрит на меня, и пытаюсь разжать кулаки, в которые как-то сами собой сжались мои ладони.

– Чудесное место, – шепчу я.

– Да, тут вообще-то есть все, что мне нужно. Внизу – кафе и магазинчик. По ту сторону пристани – бар. До работы – десять минут ходьбы.

– Прекрасно, – отвечаю я, потирая ладони в попытке согреться и чувствуя, как уходит прочь едва не охватившее меня оцепенение.

Затем я иду вслед за Ли к одному из домов. Ли нажимает какие-то кнопки на кодовом замке и, открыв дверь, пропускает меня вперед. Коридор – симпатичный, и в нем пахнет чистотой. Ли нажимает на кнопку вызова лифта. Двери лифта открываются почти сразу, и я захожу в кабинку. Здесь со всех сторон – зеркала. Я замечаю, как Ли смотрит на меня, когда двери закрываются. И тут до меня доходит, что сейчас я оказалась с ним наедине. Он поворачивает меня лицом к себе и целует. Целует очень крепко – так, как это делают в кино. У меня мелькает мысль, что он, возможно, собирается застопорить лифт и между нами все случится, как в фильме «Роковое влечение». Я не стала бы сопротивляться. Последний раз я занималась сексом в маленькой зачуханной квартирке над прачечной самообслуживания. Так что мне не помешал бы новый опыт.

Лифт останавливается, и его двери открываются. Я поднимаю взгляд на Ли.

– Жаль, – говорит он. – Я наслаждался. Пожалуйста, после тебя.

Я выхожу из лифта. Ли при этом крепко обнимает меня за талию.

Он направляет меня к самой дальней двери с левой стороны и открывает ее. Я захожу вслед за ним в маленькую прихожую, все выходящие в нее двери – закрыты. Это похоже на одну из тех приключенческих игр, в которых, чтобы выбраться наружу, нужно взломать код.

– Позволь мне помочь тебе повесить куртку, – говорит он.

Я снимаю свой рюкзак и куртку и протягиваю ее ему. Затем наклоняюсь, чтобы снять ботинки.

– Обувь снимать не нужно, – говорит он.

– Я не хочу пачкать твой пол.

– У меня наводит порядок уборщица.

– Ну, тогда я не хочу пачкать *ее* пол.

Я снимаю ботинки. В чем я не хочу признаваться – так это в том, что они натерли мне ноги, потому что я в одних чулках, без толстых носков сверху. Мамины туфли лежат в моем рюкзаке. Я не была уверена, что смогу пройти в них такое большое расстояние.

– Ну что, небольшая экскурсия? – спрашивает Ли.

– Да, пожалуйста.

Он ведет меня в гостиную. Там все – как в каталоге компании ИКЕА: пол из ламината, модная мебель, коврики и светильники. Но меня больше всего притягивает к себе окно.

– Ого, классный вид.

– Да. Это не Париж, но Лидс отсюда, с высоты, тоже выглядит неплохо. Особенно ночью.

Он ведет меня обратно в прихожую и открывает дверь на кухню. Там у кухонной стойки – две табуретки. Интересно, думаю я, скольким женщинам доводилось сидеть здесь по утрам

рядом с Ли. Наверное, многим. Меня, по правде говоря, удивляет, что он до сих пор холост. Парней вроде него обычно расхватывают довольно быстро.

– Очень мило.

– Может, дать тебе чего-нибудь выпить, прежде чем мы пойдем? – спрашивает он.

– Нет, не нужно, спасибо.

Он кивает, и я выхожу вслед за ним из кухни.

– Ванная, если она тебе понадобится, находится вот здесь, – продолжает он, открывая дверь на противоположной стороне коридора.

За дверью ванной меня встречает море сияющего хрома и безупречно-белого кафеля. На вешалках идеально ровно висят аккуратные полотенца. У меня возникает ощущение, что я нахожусь в номере люкс одного из тех шикарных отелей, которые показывают по телевизору. Я все еще пытаюсь разобраться, сумею ли построить отношения с парнем, который живет в такой вот квартире. Как если бы, к примеру, на данную роль в кино выбрали не совсем подходящую актрису. Мне, пожалуй, следовало бы проверить, не имеет ли тут место ошибка в установлении личности.

– В такую квартиру страшновато входить – того и гляди что-нибудь испачкаешь, – говорю я.

– В этом-то и заключается прелесть того, что я нанял уборщицу. Когда я прихожу домой в понедельник, тут всегда все выглядит подобным образом. Независимо от того, в каком состоянии я оставил квартиру, когда выходил из нее.

– Но сегодня суббота, – говорю я. – Как получилось, что все выглядит так, как будто уборщица ушла только что?

Ли пожимает плечами:

– Мне кажется, я довольно аккуратный и чистоплотный. И я не люблю, когда вокруг меня бардак.

Мне следует предупредить его о том, какой его ждет шок, если он и в самом деле женится на мне. Пожалуй, придется повышать в этой игре ставки.

– А вот здесь, – продолжает он, направляясь к двери, которая ближе всего к входной, – находится твоя примерная.

Он пропускает меня вперед. В этой комнате – все как в журналах про дизайн внутреннего интерьера. Гигантских размеров кровать с серым пуховым одеялом с черной каймой и соответствующими подушками, пол из ламината с ковром посередине; белые стены и встроенные платяные шкафы с зеркалами. А еще – двойные двери, ведущие на балкон.

Ли проходит вперед и открывает эти двери. Я чувствую, как в меня ударяет струя холодного воздуха.

Я не хочу выходить на балкон, но в то же самое время меня тянет посмотреть на то, что может стать местом моей смерти. Я высовываю голову наружу – высовываю ровно настолько, чтобы можно было увидеть внизу канал, – а затем отхожу вглубь комнаты, отчаянно пытаюсь перестать думать о падении с этого балкона.

– Боишься высоты? – спрашивает Ли.

– Нет, просто там холодновато.

Ли закрывает двери, а потом открывает платяной шкаф и достает из него длинное черное платье.

– Это, – говорит он, протягивая его мне, – для вас, мадам.

Минуту назад я думала о месте возможной смерти. А сейчас я смотрю на платье, в

котором собираюсь пойти на «бал». Это все равно как оказаться в каком-нибудь необычайно странном мультфильме Уолта Диснея, в котором зрителю предлагаются два варианта концовки: приезжает прекрасный принц на белом коне или же убивают олененка Бэмби, причем убивает его тот же самый человек, который застрелил его маму. Мне вполне понятно, какую концовку я выберу.

Я протягиваю руку и прикасаюсь к ткани. Ли выбрал платье с открытыми плечами. Оно выглядит даже лучше, чем на фотографии. Ткань с блестками, мерцающими под лучами света. У меня еще никогда ничего подобного не было.

– О господи!.. Большое спасибо. Оно великолепное.

– Это самое меньшее, что я могу сделать, – говорит Ли. – Я очень высоко ценю то, что ты согласилась пойти со мной.

Когда он это говорит, меня охватывает острое чувство вины из-за того, что я уже и забыла про день рождения сестры Сейди.

– Ничего, ничего. Я сказала, что вернусь последним поездом и успею попасть хотя бы на конец вечеринки.

– Не говори глупостей, я отправлю тебя на такси. Тебе нет нужды гоняться за поездами в таком красивом наряде. Ты ведь можешь при этом потерять на платформе свой хрустальный башмачок.

Он бросает взгляд вниз, на мои голые ступни.

– Ой, мне надо было купить тебе и туфли тоже? – спрашивает он.

– Нет-нет, не надо было. У меня есть туфли. Они в рюкзаке. Я просто не привыкла ходить на высоких каблуках.

– Хм, а я уж было на секунду подумал, что ты отправишься на это мероприятие в вечернем платье и в ботинках.

– Не переживай, – говорю я, решив не признаваться, что туфли, которые я принесла, вообще-то не мои. – У меня не все так уж плохо.

– Ну ладно, мне уже пора бы переодеться и дать тебе возможность сделать то же самое, – говорит он, доставая из платяного шкафа свой костюм. – Надеюсь, это платье тебе подойдет по размеру. Если тебе понадобится помощь, позови меня погромче.

Он улыбается мне, и я улыбаюсь в ответ. Это как-то странно – находиться с этим мужчиной в его спальне. Я размышляю, будет ли Гаррисон зачат именно здесь. А еще – как, черт побери, я смогу вести себя как ни в чем не бывало, если я уже так много знаю о нашем совместном будущем? Когда Ли выходит и закрывает за собой дверь, я вздыхаю и начинаю раздеваться, радуясь тому, что додумалась взять с собой лифчик без бретелек, на тот случай если Ли выберет платье с открытыми плечами.

Я снимаю платье с вешалки. Ли оторвал ценник, но я уже знаю, во сколько оно ему обошлось. Я заглянула на веб-сайт «Джигсо»: это платье стоит 179 фунтов стерлингов, второе – 159. Мне льстит, что он выбрал из них то, что подороже. Пусть даже он и утверждает, что купил его за счет компании.

Я натягиваю на себя платье, правда, мне не удается застегнуть молнию на спине до конца. Затем я поворачиваюсь и смотрю на свое отражение. Я не узнаю молодую женщину, которая смотрит на меня из зеркала. Она вся такая гламурная и изысканная. Ну, в какой-то степени изысканная. Мои волосы пока что довольно растрепанные, но в рюкзаке, оставшемся в прихожей, лежит расческа. Я делаю глубокий вдох и открываю дверь.

Ли стоит в коридоре уже в костюме и выглядит при этом так, как будто явился сюда из

какого-то фильма про Джеймса Бонда. Он оборачивается и окидывает меня взглядом. Выражение его лица напоминает мне выражение лица менеджера отеля из фильма «Красотка», когда тот впервые увидел Джулию Робертс нарядной.

– Ого! – говорит Ли, делая шаг вперед. – Ты выглядишь потрясающе.

– Спасибо, – говорю я. – Ты тоже выглядишь неплохо. Но я не смогла застегнуть молнию до конца.

Он заходит мне за спину. Я чувствую на шее его дыхание, когда он застегивает молнию. Его ладони касаются моих плеч. Секундой позже он уже покрывает поцелуями мою шею. Это аккуратные, нежные поцелуи – как будто я представляю собой очень хрупкое создание. Меня еще никто никогда не целовал подобным образом. Он разворачивает меня лицом к себе и целует в губы. Теперь уже более энергично. Он запускает пальцы в мои волосы, слегка тянет и сжимает их. У меня такое ощущение, что он переключился при езде на автомобиле на пару передач выше. Одна его рука опускается на мое бедро и ныряет в разрез платья к верхней части моих чулок, а вторая прикасается к соску моей правой груди.

Наши губы на секунду размыкаются: мы оба делаем вдох.

– Я знал, что это плохая идея, – шепчет он. – Я по глупости думал, что смогу себя контролировать.

– Мы теперь опоздаем?

– Нет, если пошевелимся. Подожди меня здесь.

Он исчезает в ванной и снова появляется секундой позже с маленьким квадратным пакетиком в руке.

– Мы не можем допустить, чтобы я испортил тебе платье, правда? – улыбается он, кладя этот пакетик в свой верхний карман. – На чем мы остановились?

Он обхватывает мои груди ладонями, а затем приподнимает подол платья и засовывает свою ладонь мне в трусики. Я отклоняю голову назад, прислоняясь к стене, и выгибаю спину. Его пальцы движутся быстро и легко. Он, черт побери, умеет это делать. Я издаю стон и прижимаюсь губами к его плечу, чтобы не позволить себе застонать громче. Он, возбуждая меня, улыбается. Улыбается с таким видом, как будто наслаждается буквально каждой секундой нашей близости. Оторвавшись от меня, он расстегивает ширинку и, достав из кармана пакетик с презервативом, разрывает его.

– Ты такая красивая!.. – шепчет он.

Улыбка с его лица исчезла: ее сменило выражение решительности, которого я еще никогда не видела. Он придвигается ко мне, беря меня руками за бедра и пожирая меня глазами. Он собирается трахнуть меня здесь, у стены. И я не думаю, что мне когда-либо раньше хотелось трахнуть так сильно, как сейчас.

Мы оба прислоняемся к стене, грудь у нас обоих вздымается, мы оба пытаемся восстановить дыхание.

– Да уж, это стоило того, чтобы заставить лорд-мэра ждать, – говорит Ли, улыбаясь мне и убирая прядь волос с моих глаз.

– Мы еще не опоздали на начало мероприятия?

– Нет. Мы успеем. Но я не стал бы расстраиваться, если бы мы и опоздали.

– А я стала бы, – говорю я. – Мне очень хочется попасть на этот ужин.

– Куда оно все девается – то, что ты ешь? Ты такая худенькая!

– Моя мама говорила, что я проснусь на свой сороковой день рождения и увижу, что все

то, что я когда-либо ела, за одну ночь легло жиром на моих бедрах.

– Я надеюсь, что этого не произойдет, – говорит Ли, проводя ладонью по моему бедру. – Мне они больше нравятся такими, какие сейчас.

Я расплываюсь в улыбке. У меня еще никогда не было парня, который вызывал бы у меня подобные ощущения. Мне хочется смаковать каждую секунду общения с ним. Но у меня в животе вдруг начинает громко урчать.

– Это сработала моя звуковая сигнализация по поводу того, что нам уже пора пойти чего-нибудь похавать, – говорю я, сдерживая смех.

– Ну, тогда пошли, – улыбается он. – Я не готов вступать в битву с твоим животом.

Ли наклоняется и целует меня в последний раз, а затем идет в ванную. Я стою в коридоре, пытаюсь осмыслить то, что только что произошло. Меня охватывает беспокойство: а не использовал ли он презерватив, не спросив меня, потому, что я похожа на девушку, которая трахается с кем попало? Еще меня беспокоит, не вызвало ли у него отвращение то, что я слишком боюсь боли при эпиляции, а потому не удаляю себе волосы в интимных местах. Но больше всего меня беспокоит то, что я не могу перестать думать обо всем, что я видела в «Фейсбуке», вместо того, чтобы позволить себе влюбиться в этого мужчину.

Мы прибываем в отель ровно в семь часов. Я уверена, что от нас все еще пахнет сексом. Мы поспешно проходим через вестибюль, и Ли предъявляет наши приглашения мужчине, стоящему у двери зала для торжественных мероприятий. Тот кивает и показывает нам на дальнюю часть помещения. Все остальные уже сидят на своих местах. Ли, держа меня за руку, ведет к двум незанятым местам за столом лорд-мэра. Когда мы подходим, Ли отодвигает для меня стул. Лорд-мэр встает, и его примеру следуют все остальные сидящие за столом мужчины. Я улыбаюсь и быстренько сажусь на свой стул, подозревая, что над моей головой светится огромная неоновая вывеска со словами: «Я опоздала, потому что только что занималась вот с ним сексом». И от вывески идет стрелочка, указывающая на Ли.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Гиллиан Флинн, Элис Сиболд – американские писательницы.

«Вольная пятница» – пятница, в которую в некоторых компаниях работникам разрешается носить не установленную для данной организации официальную форму, а обычную повседневную одежду.

Бранч – плотный поздний завтрак.

Ботинки «ДМ» («Док Мартенс») – ботинки на шнурках с толстыми легкими подошвами.

«Лабиринт» и «Абсолютные новички» (*Labyrinth* и *Absolute Beginner*) – фильмы, в которых снялся Дэвид Боуи – британский рок-певец и автор песен.

Дементоры – фантастические существа, фигурирующие в книгах и фильмах о Гарри Поттере. Способны высасывать душу из всего живого.

Кэри Маллиган – британская актриса театра, кино и телевидения.

Волян-де-Морт – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.

Халлуми – разновидность сыра.

Усэйн Болт – ямайский легкоатлет, бегун на короткие дистанции, неоднократный чемпион мира и Олимпийских игр.

Долорес Амбридж – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.

Алан Рикман – британский актер.

Северус Снегг – персонаж книг и фильмов о Гарри Поттере.

Дж. К. Роулинг (Джоан Роулинг) – британская писательница, автор серии романов о Гарри Поттере; Дэниел Рэдклифф – британский актер, исполнивший роль Гарри Поттера.

Джереми Вайн – британский журналист.

Эдди Редмэйн – британский актер.

Джюльет Стивенсон – английская актриса и певица.

Лорд-мэр – титул главы муниципалитета некоторых крупных городов Англии, Уэльса и Северной Ирландии.

Ночь Гая Фокса (Ночь костров, Ночь фейерверков) – традиционное для Великобритании ежегодное празднование, не являющееся государственным праздником, в ночь на 5 ноября, когда люди зажигают фейерверки и костры, на которых сжигают чучело Гая Фокса. Это пятая ночь после Хэллоуина, когда отмечается провал Порохового заговора. В эту ночь на 5 ноября 1605 года группа католиков-заговорщиков попыталась взорвать Парламент Великобритании в Лондоне во время тронной речи протестантского короля Якова I.

Оби-Ван Кеноби – персонаж из киносаги «Звездные войны».